

СВЕТ СТОЛИЦЫ

литературно-
художественный
журнал

10 / 2022

2022

УДК 882
ББК 84(2Рос)

Учредитель:
ООО "ИПО "У Никитских ворот"

Издатель:
АНО "Редакция альманаха "Академия поэзии"

*Журнал издаётся при информационной
поддержке "Литературной газеты"*

Главный редактор:
Максим Замшев

Шеф-редактор:
Анна Баранова

Корректор:
Анна Соломатина

Дизайн-макет:
Андрей Дирижаблев

Компьютерная вёрстка,
оформление обложки:
Алина Симонова

*В оформлении обложки использована
репродукция картины А. Лентулова
«Кремль»*

.....
Адрес редакции:
*121069, Москва, ул. Большая
Никитская, 50а/5, стр. 1, оф. 40.
Тел.: +7 (495) 690-67-19
info@acspetry.ru*

Тираж 1000 экз.

© Академия поэзии, 2022
© Издательство «У Никитских ворот», 2022
© Коллектив авторов, 2022

ISBN 978-5-00170-702-8

9 785001 707028 >

ТЕМА НОМЕРА:

130 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ РУССКОЙ ПОЭТЕССЫ

М.И. ЦВЕТАЕВОЙ (1892–1941)

1

ПОЭЗИЯ

МАРГАРИТА АЗАРОВА

Синдром саранчи

Подобно туче саранчи, алчущей и грозной,
Избравши Русь вершиной одиозной,
Которую так надо обглодать снаружи, изнутри,
Оставить нагло «без руля и без ветрил».
Какие замыслы, какой напор...
В руках убийцы лязгает затвор.
Желать стереть с лица земли и убивать –
Синдромом стадной саранчи страдать!
Кого же варваром считать тогда?
Не мы, а вы дичайшая орда!
Кто демократ из вас, кто либерал?
Тот, кто по мирным жителям и городам стрелял?!
Историю вам вспять не возвратить –
Всем только из её колодца можно пить!
В нём правды чистая, прозрачная вода,
Для всех история одна и навсегда!
Нацисты – отпрыски коричневой чумы,
Хотите новой мировой войны?
Опомнитесь, взгляните на рейхстаг,
На фотографии – над ним советский флаг!

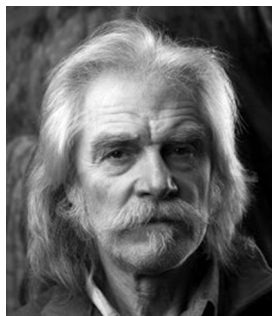
Азарова Маргарита Александровна. Строфы ветра записывает. Приняли в Союз писателей, потому что себе их приписывает. Иногда их поют, иногда читают... Даже дипломы вручают. Жаль, ветру дипломы не передать... Но можно ему, как и прежде, внимать.

Мы помним, как Лжедмитрий I «канул в Лету» –
Царь-пушкой послан Речи Посполитой!
И испокон веков не вероломны мы,
Ещё князь Святослав всех упреждал: «Иду на Вы».
Куда несётесь? На святую Русь?
За ваш покой уж я не поручусь...
Российский воин «не хлебает лаптем щи»,
Да и стреляет по врагу не из пращи.

Соль земли

Россия – матушка родная,
Благослови своих сынов.
Как раньше ты благословляла
На ратный подвиг их отцов.
Твои сыны – твоя защита –
Из их побед произросли.
Твой каждый сын освободитель –
Достоинство и Соль земли!
Во имя жизни на планете
Идёт солдат в священный бой,
За мир и счастье он в ответе,
Наш русский воин, наш герой.
Во имя жизни на планете
И за Луганск и за Донбасс...
Чтобы смеялись наши дети,
Солдат сражается за нас!

СЕРГЕЙ БУСАХИН

* * *

Нам в жизни многое отмерено,
Но мы, впустую тратя дни,
Живём бездумно и умеренно,
Как догнивающие пни.
«Судьба», – вы скажете,
И осенью
Под шелест серого дождя
Вдруг мы обрадуемся просини,
На тучи сизые смотря.
В душе возникнет сожаление.
Кружит осенний жёлтый лист:
Как будто шлёт нам откровения
Или последние сомнения
Уже забытый птичий свист.

Бусахин Сергей Васильевич родился и живёт в Москве. После службы в армии работал в научно-исследовательском институте (ВНИРО), где регулярно участвовал в многомесячных экспедициях по Мировому океану. С 1984 по 1989 годы учился в ЗНУИ на отделении станковой живописи и графики. С 1990 года состоит в Творческом союзе художников России и Международной федерации художников. С 1985 по 2007 годы каждое лето ездил на остров Валаам, где писал этюды и картины, а также работал экскурсоводом. В настоящее время занимается живописью.

* * *

Зима. В снегу алеют снегири,
И тихо-тихо тренькают синицы.
Ах, эти нежные зимующие птицы –
Как промельки негаснувшей зари.

И я смотрю и радуюсь душою
На ваш весёлый и беспечный пир.
И, возрождаясь с новою судьбою,
Впервые открываю этот мир.

Впервые вижу голубые тени,
Узоры на заснеженном окне,
И, наслаждаясь звуками метели,
Я профиль твой рисую на стекле.

И вновь в снегу алеют снегири
И тихо-тихо тренькают синицы.
Ах, эти нежные зимующие птицы –
Как вестники негаснувшей любви!

* * *

Золотистый Карадаг
В белой дымке тает,
Словно сказочный маяк
В небо уплывает.

Среди розовых ложбин –
Голубые тени.
Жадно пьют ультрамарин
Красные олени.

И, куда ни посмотри,
Всюду горы, горы –
В свете утренней зари
Синие узоры.

* * *

Цветёт миндаль на Карадаге.
Цветут весенние сады.
Косуля замерла в овраге:
Ей всюду чудятся враги.

Но птицы, что за чудо – птицы!
Поют себе, им горя нет.
Летят вороны вереницей
И каркают на белый свет.

В урочищах ещё прохладно.
Туман таится в глубине.
Там что-то тайно и невнятно
Ручей бормочет о весне.

А на горах веселье мая.
Всё словно в золотом огне:
Сюрю-Кая, гора Святая –
Парят в небесной синеве.

* * *

Внезапный ветер, и опять
Волна бежит на берег сонный –
Такой чужой, нерукотворный.
Здесь только грезить и мечтать.

Но что там, в мгlistом далеке?
Сверкает молния ужасно!
Грохочет гром, и всё напрасно.
Я убегаю налегке.

И дождь рванулся вдруг за мной...
Но я успел и сквозь стекло,
Сквозь потемневшее окно
Любуюсь северной грозой.

* * *

Зима, любимая пора,
Опять пришла.
И во дворе вопит с утра,
Играя, детвора.
Вот так всегда –
Природы бег,
Сверкает снег.
А там – весна
Ждёт свой черёд,
И тает лёд.
Ручьи бегут.
Кричат грачи,
Коты – в ночи.
Влюблённые ждут темноты.
Вновь распускаются цветы,
И солнца луч
Прогонит тьму
И серость туч!

* * *

Сила твоего огня
Нескончаемой любви
Закружила вдруг меня
И смешала ночи, дни.

Роскошь солнечных волос
Отражает свет луны,
И в ночном сиянье грёз –
Муки страсти и любви.

Охрани меня, любовь,
Пронеси сквозь лунный взор.
Пусть сомнения и боль
Унесёт любви костёр.

Среди тьмы сверкнёт звезда,
Отразившись от любви,
Улетит за облака
В бесконечные миры.

Утром блекнет свет огня
В разгорающемся дне.
Неужели ты была?
Или только снилась мне?

* * *

В синем мареве неба
Мерцали планеты,
Словно призраки древних,
Забывших веков.
Над землёй проносились,
Сверкая, кометы
Из неведомых, дальних
И диких миров.

Я смотрел, удивляясь
Движенью природы.
Всё казалось мне тайной
И мистикой сна.
В эту странную мглу
Уходили народы,
Не оставив ни слова,
Ни даже следа.

Что же будет потом,
После нашего века,
После наших открытий,
Религий, богов?
Я смотрю в небеса.
Я ищу там ответа.
Я брожу по ночам –
Среди звёзд и цветов.

* * *

Мне всё чудятся странные сны:
Лошадей промелькнувшая тень,
На лугах золотые цветы
Растворяются в солнечном дне,
Как сквозь блёклый мерцающий свет
Пролетела на рыжем коне
Бесноватая Ника побед
И исчезла в небесном огне.
И, увязнув в удушливом сне,
Мне всё слышатся ржанье коней,
Стук копыт по иссохшей земле,
Гром войны и крики людей.

* * *

Этот русский напев
Нестерпимо мне сердце щемит,
Мою грешную душу
Восторгом любви наполняя.
Как прекрасна Россия
В небесном сиянье молитв,
В вечном поиске истин,
Земного всеобщего Рая.

Я пытался уйти
И забыться в чужой стороне,
Но, как видно, любовь –
Это самое сильное чувство.
Без тебя я не жил.
Всё мелькало, как в призрачном сне.
Быть спокойным вдали –
Величайшее в мире искусство.

А когда на российских лугах
Распускались цветы
И туманы речные
Шептались над росной травой,

Надо мной возносила
Свои голубые шатры
Русь святая
С истерзанной нежной душою.

Эти белые храмы
И в золоте главки небес,
Птичий гомон зари
И без края поля золотые,
Эти тихие реки,
В излучинах – сказочный лес,
И туманы рассветов
Над вечным покоем России.

* * *

Стихи написаны, и песенка пропета.
Гитары звон в открытое окно,
А над Москвою в зареве рассвета
Рассыпалось тумана серебро.

Шагают люди по пустым бульварам.
Склоняются деревья на ветру,
Роняя листья одиноким парам
В предутреннем мерцающем саду.

Мне не уснуть, гитару оставляя,
Я выхожу в осенний листопад.
Аллеи парка, словно улетаю,
Меня в туман уносят наугад.

Я по Сокольникам иду, куда – не знаю.
Мне кажется, что всё это во сне.
Вокруг сияет осень золотая
В мерцающем туманном серебре.

ВИЛЕН ИВАНОВ

Постпандемическое

Мы выжили наперекор всему,
И это ныне вдохновляет,
И это силы прибавляет
И дарит радость сердцу и уму!

* * *

Другая полоса в истории настала,
Другие смыслы люди обрели.
И верить хочется, что времена прошли,
Когда у власти были либералы.

* * *

Точный вывод сделать нелегко,
Факты ставя в длинный ряд старательно,
Но, взглядевшись в сущее внимательно,
Видишь: прошлое от нас недалеко.

Иванов Вилен Николаевич – советник РАН, член-корр. РАН, д. ф. н., профессор, член Союза писателей России. Автор более 500 научных и литературных публикаций (книг, брошюр, статей, сборников стихов). Имеет государственные и общественные награды. Лауреат научных и литературных премий. Почётный член Российского общества социологов (РОС). Почётный доктор наук Института социологии РАН. Почётный член Военно-научного общества при Центральном доме Российской Армии им. М.В. Фрунзе. Полковник в отставке.

* * *

С душой в работу включены
Иль что-то делают для вида.
Есть смыслы бытия страны
И смыслы жизни индивида,
И люди есть, что с верой ждут,
Что эти смыслы совпадут.

Мы ответим

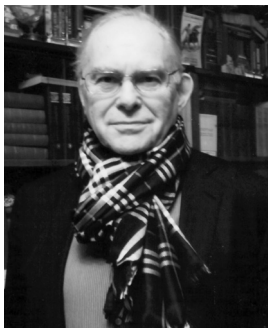
Воюем мы не с Украиной,
А с нынешним её режимом.
Его, об этом я писал,
Активно Запад поддержал,
Прислал и пушки, и патроны,
И подготовил батальоны.
Мы Западу ответим внятно,
Ответ наш будет адекватным.
Уверенность моя растёт,
Что вскоре этот день придёт.

* * *

Победы ныне ждёт страна,
Усиьем общим приближая.
Она нужна не только боевая,
Но и ментальная нужна.

* * *

Проблем немало в дне насущном,
Их сложности вполне видны,
И наше прошлое – залог побед в грядущем:
И в годы мирные, и в дни войны.

МАРК КАЗАРНОВСКИЙ

Романс офицера

Спят леса во мгле туманной,
Освещён блиндаж-бруствер.
И играет очень странный,
И играет очень странный
На гитаре офицер.
Вот погон и аксельбанты,
Шпоры тренькают слегка.
Нам сейчас не до талантов,
Нам сейчас не до талантов:
Жизнь на фронте коротка.
Если смог ты продержаться,
Не погибнуть в первый раз,
Значит, в жизни задержаться,
Значит, в жизни задержаться
Суждено тебе сейчас.
И гитара хоть играет,

Казарновский Марк Яковлевич родился и вырос в Москве на Старой Басманной улице. Биолог, кандидат наук. Работал на Дальнем Востоке. В настоящее время Марк Яковлевич живёт во Франции.

Автор ряда книг о людях советской эпохи, показывающих через неправдоподобные сюжеты реальную жизнь во времена СССР.

И в палатках свет погас,
Офицер ещё не знает,
Офицер ещё не знает:
Поднял взвод в последний раз.

Спят леса во мгле туманной,
Бугорок зарос травой.
Офицер там этот странный
Без гитары. Неживой.

Я рос в благополучном мире

Я рос в благополучном мире
Пайков, «кремлёвок» и машин.
И очень часто на квартире
Шло взятие мировых вершин.

Друзья отца, а всем за тридцать,
Смеясь и шпорой грохоча,
То вспоминали что-то Ниццу,
То в Первой конной трубача.

То вдруг остервенело споря
Про НЭП и планы ГОЭЛРО,
Казалось, шашки в коридоре
Сейчас нам разобьют стекло.

Иль враз притихнув, все вдруг пели
Про степь или набег лихой,
Да так, что, кажется, летели
Они бесстрашно снова в бой.

Но вот, со временем случилось,
К нам стали реже заходить,
И как-то все переменялось.
В квартире стало тише жить.

И в спальне, спрятавшись за штору,
Коль сновидения не шли,
Всё слышал я по коридору
Отца тревожные шаги.

И я привык под звук их мерный
Тихонько быстро засыпать.
И уж не снился мне военный,
Летевший с лавой белых брать.

Так годы шли. Лишь нам куранты
Пробьют двенадцать, скажут «спи»,
По коридору вновь тихонько
Слышны отцовские шаги.

Лишь год когда пришёл суровый,
На фронт всех стали забирать,
Отец воспрянул, стал весёлый:
«Теперь не страшно умирать».

И помолчал. И снова тени
Кружиться стали по углам.
И тихо снова зазвенели
Те шпоры, приближаясь к нам.

Так я привык: когда потери
Иль не видать во тьме ни зги,
Наш коридор тихонько мерят
Теперь мои, увы, шаги.

Парад Победы

Мы проходим маршем Победы.
По брусчатке подковки стучат.
Барабаны грохочут следом,
И медали победно звенят.

И бросаем к ногам наших маршалов
Брандербургские стяги врагов.
Сыплет дождик холодный, уставший.
Держим строй. Нет ни мыслей, ни слов.

Окончанье парада. Сгрудились.
Сапоги по брусчатке лишь – щёлк.
Вдруг мы разом остановились.
Перед нами – пропавший наш полк.

Он проходит в молчанье угрюмом.
«Вы откуда, славяне? Привет».
«Мы из Бреста, Смоленска и Киева.
Но, братва, нас давно уже нет.

И могилы солдат не найдёте.
И жена – нет, не станет вдовой.
Потому что пропали мы без вести.
Похоронки не шлют нам домой».

А нам хочется крикнуть: «Постойте!»
Хоть шаги отбивают свой такт.
Мы ведь помним вас всех поимённо,
Не нашедших могилы, солдат.

И клянёмся, покуда мы живы,
Разыскать вас, в том наша вина.
Упокоить вас с честью в могилы.
Лишь тогда нас отпустит война.

ВЛАДИМИР МИРКИН

Прекрасное мгновенье

Всё в этом крае необычно, отмечено рукою неземной,
Здесь солнце палит непривычно и царствует над морем зной.
И воздух чист, и чайки, пролетая, хватают под волной кефаль,
А ветер южный, на песке играя, нас манит в золотую даль.

Приехал к морю я согреться, забытья от мирских хлопот,
От зноя хочется раздеться и кинуться в прохладу вод.
И хочется мне разбежаться и прыгнуть в воду,
Когда бежит волна, и к старому не возвращаться,
Остаться с морем навсегда.

Здесь волны плещутся на воле и шепчут что-то нам с тобой,
Как хорошо глядеть на море горячей ночью под луной.
Остановись, прекрасное мгновенье, желанный миг, не уходи,
О, сколько сразу наслажденья от моря, зноя и любви.

Миркин Владимир Иванович — член Союза литераторов России, автор книг «Похождения Миколы из Горопашни», «Осторожно, сало», «Опыты профессора Иванова», «Исповедь бывших толстушек» и др.

Солёный край

Через Саки до Мойнак,
Мимо озера Чокрак
Еду в солнечный Гезлёв,
Берег соли и ветров.
Среди выжженной степи
Лишь маслины по пути,
А вокруг рапа, рапа...
Горы соли и жара.

Словно призрак на воде,
Город южный вдалеке.
На причале корабли
В тихой гавани видны.
Здравствуй, берег дорогой,
Край солёный и родной,
Здравствуй, тёплая волна,
Здравствуй, родина моя.

А вдали за горизонт
Вновь уходит теплоход,
В край, где синие ветра
Надувают паруса.
Там, где солнце на заре
Серебром горит на дне
И солёный горизонт
Уплывает в небосвод.

На Ай-Петри гроза

На Ай-Петри гроза.
Чудеса, чудеса!
По канатной дороге
Я плыву в небеса!

И над пропастью ввысь,
Как птица, взлечу,
Затаивши дыханье,
У вершины замру.

Облака над Ай-Петри
Всё темней и темней,
И уже у причалов
Не видать кораблей.
Я иду на грозу
Сквозь свинцовый туман,
И вершинам Ай-Петри
Своё сердце отдам.

* * *

Твоих волос волнистый перепад
Мне в сердце влил пьянящий аромат.
В их прядях золота купаясь,
Я заблужусь, вкушая плена сладость.

А море глаз твоих,
Весенним солнцем улыбаясь,
Прибоем дарит мне любовь,
Тонуть в их бездне сердцу радость,
Земной уют в них дополняет страсти зной.

Любовью страстной я охвачен,
Поют об этом в жилах кровь
И сердца стук, любовный звон.
И знаю, Книгой судеб я назначен
Твоей любви поддерживать огонь.

АЛЕКСЕЙ МОНАСТЫРЮК

Неоконченный разговор

* * *

Чей образ спасает тебя,
Когда начинаешь тонуть?
Чьи слова в сердце звучат
И не дают уснуть?
Чьё имя шепчешь без сил,
Призывая в минуту ухода,
Моля, чтобы близкий простил
За то, что прощал год от года?
Чей образ греет сейчас,
В жизни, переполненной собой?
Кто любит тебя без прикрас –
Любовью одной?

Кто готов выбор свой повторить
И по новой пройти вместе путь?
Кто любит с тобой просто жить
И не боится навеки уснуть,

Монастырюк Алексей Юрьевич – автор исторических текстов на сайтах Президента России и Патриарха Московского, а также книг «От сокола до орла» (очерки по истории Руси) и «Загадки и отгадки Кремля» (путеводитель по Московскому Кремлю).

Личный сайт: <http://alexmon.ru>. Канал в Яндекс.Дзен – «Окольная речь».

Если там – снова вдвоём,
В вечности, с Богом, в любви?
С кем поёшь соловьем,
Для кого поют соловьи...

* * *

Я выпил бутылку вина,
Но это не моя вина.

Ты стол накрыла и дерзко ушла,
Концепция ужина в одиночестве себя изжила.

Мы с Бахусом докопались до дна,
Когда ты не со мной, ты одна.

Включили б кино,
Под него другое вино.

Даже кислое кажется слаще,
Даже водка отличается разяще.

Вернись, моя кожа горит,
Летит к тебе метеорит.

Вырвется горлом,
Я уже Горлум.

Моё сокровище,
Я без тебя чудовище.

* * *

Люблю и жду встречи,
Считаю минуты,
Окрылит дыхание вечера,
День почит пресловутый.

Заметив твой взгляд, устремлённый
В небесную даль,
Растворюсь в тебе, растворённой,
Задрожу как хрусталь.

В этой дали небесной,
В этой дрожи земной
Вся любовь наша – песня,
С долготой, широтой.

Вопросы и ответы

* * *

С макушкой лес укрывается туманом,
Ему б ещё полчасика вздремнуть,
Покуда ветер, нагрывший незвано,
Не явит в чащу зримый путь.

Но солнце раньше свет прольёт,
Стряхнет с листвы остатки сна.
Бриз впопыхах лес до мурашек проберёт,
В траву уляжется и запоеет весна.

* * *

Лучший отец на свете,
Он за всё в ответе,

Он настоящий батя,
Он не носит платья.

Для крошки он папа,
У него громадная лапа,

Он, как хлеб, всему голова,
С ним мама всегда права.

ВАСИЛИЙ МУРЗИН

Цикл «Времена года»

Апрель

Не прячь ты краски, кисти, акварель,
Я всё равно достану,
Я нарисую мать-и-мачеху. Апрель
Весь серый, сивый,
Странный.

Мурзин Василий Сергеевич. Поэт. Родился 3 октября 1982 года в Москве. Постоянный автор «Литературной газеты». Победитель конкурсов Московской городской организации Союза писателей России (МГО СПР) «Поэт XXI века (премия им. С.А. Есенина)», альманаха «Литературная Республика 2021», финалист конкурсов МГО СПР альманаха «Литературная Республика 2019», «Антология русской зимы». Удостоен наград МГО СПР: ордена «За вклад в литературу XXI века», медалей «Родина-мать зовёт» в честь 75-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, «Цветавские костры» имени М.И. Цветаевой. Автор книг «Обнуление», «Остров», коллективных сборников постоянных авторов «Литературной газеты» «15», «Приглашение в мастерскую», «Тайна вдохновения», «Вероятность счастья», Энциклопедии «Московская городская организация Союза писателей России... XXI век... Начало...», многих коллективных сборников МГО СПР. Публиковался в газетах «Литературная Россия», «Независимая газета», «Литературные известия», в журналах «Москва», «Вторник», «Москва литературная», «Свет столицы». Номинант премии VII Международного конкурса имени Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков (2019).

Земля замёрзла и мертва.
Озноб объял весну, людей, скворечни.
Но всё же, как она ни злится,
мерзлота,
Она не вечна.

Балконье царство обнулят скворцы,
Затеяв во дворах кипенье
Птичье. Спешат весны
Осипшие гонцы
Реанимировать
Онеменья.

Зане, как в яблочко, как в молоко,
Стреляет и апрель капелью.
И голубеет небо, и легко,
И просто изольётся,
Троллейбус
Трелью!

А я всё сомневаюсь,
Если бы, кабы...
Я всё ещё теплу не верю.
Но по Москве-реке
уже плывут гробы
горбатых льдин,
И май стучится
в двери!

ИДАЛИЯ ШЕВЦОВА-УРСАТИЙ

* * *

Не звоню, если ты не осмелишься:
осторожничаешь к чему?
Подвигаю я палец к челу –
почему страстью пылкой не делишься?
Да её просто нет, посемену...
Посему не могу достучаться
до высокого нерва любви:
мне б хотелось ласкать очи часто,
губы пухлые чувством обвить!
Но одни расстоянья меж нами –
недосказанности колорит...
А любовь моя – звёздное знамя
в поднебесье святое стремится.

Идалия Шевцова-Урсатий (Шевцова Идия Фёдоровна) родилась в с. Завьялово Алтайского края. Публикуется в журналах, коллективных сборниках России и Зарубежья. Автор нескольких поэтических книг и прозы. Участница Дней славянской письменности и культуры в республике Молдова в 1997 году. Член СП Приднестровья, Международного сообщества писательских союзов, Союза писателей России, член-корр. «Академии поэзии».

* * *

Голос твой, подобный мёду,
он сластит, сластит, сластит,
сочиняя чувствам оду,
насыщая светом стих...
Только надо ль солнцу это,
если дарит свет другим
и молчит, молчанье плетью
по душе моей кружит.

* * *

Вспоминай меня,
если будешь один.
Вспоминай меня,
если будешь с другой –
мо-ло-дой...
А я, сшитая из огня,
господин
и друг мой,
жаркую притяну рукой
возле светлого дня.

* * *

Я морщинок своих не стесняюсь,
ибо это жизни плоды...
И одно в лунном мире знаю,
если любишь с морщинками ты,
значит, это серьёзно и верно,
сомневаться – не дано,
и во взгляде твоём откровенном
плещет чувственный зной...

.....

2

проза

АНДРЕЙ АРТЁМОВ

Лунный свет

I

Явление счастья, к несчастью, такое же безликое или многоликое, что разглядеть его истинное лицо, говоря формальным языком, не представляется возможным. К тому же оно и неудержимо – это как ветер, холодный или тёплый, с буреломом или ласковый, в любом случае ощущаемый своим человеческим существом, а иначе говоря, своей чувствительной и к холоду и теплу шкурой.

Таким же ветреным явлением счастья обладала и Надежда, часто переменчивая, как сам ветер, своим настроением, утрачивая радость. Меж тем, сам бескрылый ветер перемен может приносить и незримую надежду радости.

Носитель явления счастья, к счастью или несчастью, оказывается заслуженно достойным его. Часто случается, что именно лицо отражает в той или иной мере проявления счастья: либо оно светлее дня, когда радостно светится солнце, либо мрачнее ночи – и хорошо, когда на ночном небе светится хоть каким-нибудь счастьем луна.

Такое же часто переменчивое явление счастья отражалось (то бледной, иногда с улыбкой, луной, то ясным и радостным солнцем) и на лице Надежды.

Артёмов Андрей Геннадьевич родился 14 апреля 1967 года в г. Саранск. Работал в школе, служил в органах внутренних дел (эксперт-криминалист, майор полиции в отставке). Поэт и прозаик. Автор восьми книг. Живёт в с. Нижняя Тавда Тюменской области.

И как интересно само человеческое существо, когда оно является как бы зеркалом, в котором отражаются и природная сущность, и природные явления!

II

Именно потому жизнь у Надежды после окончания средней школы сложилась не совсем так, как мечтала, а её мечты уносили её же саму в счастливое будущее. Однако сложилась далеко не хуже, чем у некоторых её одноклассниц, с которыми вскоре невольно прервала отношения. Если хочешь в несчастье утешиться и выглядеть счастливым, найди для сравнения себе того, кто хуже тебя, и сопоставь – всё познаётся в сравнении. Но – упаси бог! – чтобы злорадствовать над тем, кто невольно или вольно оказался хуже.

В несостоявшемся счастье Надежда укоряла только саму себя. С горькой обидой она спряталась внутри себя, чтобы откуда-то со стороны не прилетело ей ужаснее ссоры.

А ссора между нею и Александром, которого она любила до обожания, произошла на выпускном вечере. Лучшая подруга Надежды в тот день, а вернее – вечер, оказалась более расторопной, опередив соперницу в приглашении кавалера на белый танец. Её неистовая ревность к подруге, с которой Александр головокружительно вальсировал, наконец вырвалась наружу: Надежда прилюдно оскорбила соперницу и обжигающе хлопнула своей некогда самой нежной ладонью по лицу Александра. Он же молча и стыдливо перенёс это оскорбление, а та в слезах убежала домой. Но вечер продолжился; как говорится, буря в стакане успокоилась, но осадок всё же остался.

Надежда, ещё недавно мечтавшая после школы пойти учиться в университет, так и не пошла ни в этот год, ни в другой, ни в последующие. Не зная сама, кому делает назло, она вышла замуж, как говорится, за встречного-поперечного, а вернее, за давнего своего знакомого, который когда-то её сердечно волновал, но они расстались из-за банальной ссоры.

Вскоре же у них родилась девочка, и назвали её Сашенькой. Мать мечтала о мальчике, чтобы назвать его именем всё ещё любимого человека, но появилась девочка; отрадно, что имя подходило и ей.

Шло время, исчисляемое годами. Сашенька росла – она так походила на мать в детстве. Теперь же мать начала полнеть и пре-

вращалась в русскую сердобольную женщину. Отношения между женой и мужем постепенно охлаждались; впрочем, они и не были особенно тёплыми. То, что он всё чаще где-то пропадал, мало расстраивало Надежду, а временами она даже рада была оставаться с дочерью наедине.

– Мама, – обратилась Сашенька, – а почему папа нас больше не любит?

– Не знаю, – тупо и равнодушно ответила она и, как бы очнувшись, спросила: – А ты откуда это выдумала?

– Я не выдумала, а вижу.

– И что ты видишь?

– А что дома его теперь не бывает.

– Ну, не бывает... и ладно.

– Мама, – удивилась Сашенька, – ты что, его не любишь?

– Не знаю, доченька.

– Ладно, и я тогда его больше любить не буду.

– Не болтай ерунды: он всё-таки твой отец.

– Я знаю, – вздохнула Сашенька, – но он нас больше не любит.

Надежде хотелось сказать, что он нас никогда и не любил, но всё же заступилась за него, как бы хватаясь за спасительную соломинку во время погружения от бессилия под воду, и доченька замолчала, ласково прижавшись к матери.

– Ну и ладно, мама...

– Чего ладно?

– Ладно, всё образуется.

И всё же, в тот год, когда Надежда повела Сашеньку первый раз в школу, отец безвозвратно ушёл из дома – ушёл без развода, полагая, что он произойдёт как-нибудь сам собой. Такое попустительство часто происходит в нашей действительности.

III

Сашенька росла и взрослела. Наконец на неё обратили внимание одноклассники, зато она не обращала на них внимания, хотя и оставалась ко всем доброжелательной. После занятий в школе Саша спешно возвращалась домой, всякий раз отвергнув предложения одноклассниц где-нибудь потусоваться. Такое отрешение от школьных подруг вскоре заметила мать.

– А ты чего это с подругами не хочешь знаться? – однажды заметила она дочери.

– Да у меня их по-настоящему и нет.

– Это неправильно.

– Да это я знаю.

– Тут не знать надо, а заводить дружбу.

– Если это тебе так нужно...

– Не мне нужно, а тебе.

– Мне?

– Да!..

– Ну ладно, – в итоге неохотно согласилась дочь с матерью.

– И без одолжения...

Александра в ответ вздохнула...

А вскоре одноклассницы, с которыми она всё же с нежеланием завела дружбу, мало-помалу приучили её к курению, от которого поначалу кружилась голова и ощущалась слабость в ногах.

– Но, подруга, – говорили они ей, – без этого теперь никак нельзя.

Саша втянулась в дружбу, а вместе с тем и во вредную привычку. Узнав про это, мать пришла в негодование:

– Ну как это у тебя на эту дрянь ума хватило...

– Ну, мама, – сожалея, улыбнулась Саша, – теперь все курят.

– Так уж и все?

– У нас в классе все девчонки курят, – заявила она с чувством гадливости, как будто выдала подруг в совершении преступления. – А как дружить с ними без этого? Я как белая ворона была в классе.

– А пацаны?

– Некоторые: они у нас спортсмены.

– Ну, разумеется, ты у нас не спортсменка...

– И ей никогда не буду.

– Ну всё, хватит болтать: уже поздно, и пора спать ложиться.

За окнами дома светила апрельская полная луна, и в дом через окна лился её свет...

IV

Спустя много лет Александр вернулся к себе домой. Ему так и не довелось жениться, хотя и представлялись такие случаи. Вернувшись

домой, он застал мать, значительно постаревшую от переживаний за единственного сына, росшего без отца.

Служба Александра проходила в горячих точках – и, выслужив льготную пенсию, вышел в отставку в звании прапорщика полиции. Ему одному (как говорится, не имея ни котёнка, ни ребялёнка) пенсии на жизнь хватало, и теперь устраиваться куда-либо на работу он не особенно-то порывался.

Спустя несколько дней после приезда домой Александру пришло в голову повидаться с Надеждой, но от этого желания его нечто невидимое удерживало. Всякий раз отправляясь к ней домой, невольно сбивался с пути: сомневался в правильности и нужности задуманного дела. Между тем он также невольно, будто подталкиваемый неким невидимым существом, не спеша приходил в парк, куда в детстве ходил как бы неосознанно, когда было грустно и одиноко, и где любил бегать и играть вместе со своими школьными друзьями.

В этом парке находился большой круг пешей, теперь заасфальтированной дорожки, вдоль которой вместо высоких бревенчатых столбов с ламповыми светильниками стояли невысокие тонкие металлические опоры с шарообразными плафонами, походившими на полную луну. Здесь любили прогуливаться и старики, чтобы подышать сосновым воздухом, и молодёжь – кто шумной группой, кто влюблённой парой, кто в гордом одиночестве.

Теперь Александр осознанно понимал, что полюбил сюда ходить, но не только за тем, чтобы подышать сосновым воздухом, но и для чего-то неопределённого. Зато он определённо верил в судьбу и знал, что ничего на свете не происходит просто так. Он доверялся своей интуиции, которая несколько раз уберегала его от опасности и даже преждевременной неминуемой смерти в ходе столкновения с боевиками или при выполнении контртеррористических операций. Прогуливаясь по парку, Александр слушал красивую музыку, льющуюся из недавно приобретённого смартфона. Иногда этот смартфон с музыкой находился у него в руках, а иногда в кармане, и казалось, что она вырывается откуда-то изнутри.

Май в этом году выдался ужасно жарким, таким же оказался и июнь. Горели леса и прошлогодний сухостой в полях. Случалось, что в деревнях выгорали дома и загородные дачные участки, – и всё это в большей степени по вине самих людей, из-за их безалаберности.

V

Меж тем Александра сдала выпускные экзамены, без каких-либо скандалов (как будто никто никого не любил и никто никого не ревновал) прошёл и выпускной вечер. Выпускники получили аттестаты и облегчённо вздохнули, полагая, что все их мучения в трудностях познаний уже позади. Они не подозревали о предстоящих сложностях жизни, о которых так часто предупреждали и учителя и родители. Но дети, как водится, не хотели и не хотят перенимать опыт жизни взрослых, наивно полагая, что с ними ничего не случится и что со всеми бедами как-нибудь справятся сами. И удивительно – справлялись! Правда, когда обжигались, как говорится, на собственной шкуре. Так вот, шкура шкурой, а собственный опыт жизни неизбежно закаливает саму натуру человека. Но люди по своей натуре ужасно различны. И вот эта различность составляет безмерную массу интересов. Вот и попробуй отыскать в той массе свой личный жизненный интерес.

С каким жизненным интересом поступала учиться в университет Александра! Она успешно прошла конкурс, набрав необходимое количество баллов. Но её каким-то образом обошли другие, претендующие на бюджетные места, и Александре предложили платное место. А у неё, разумеется, не было денег на обучение.

С каким жизненным разочарованием она вернулась домой! И чем больше мать утешала дочь, тем больше Александра плакала, а вместе с ней горевала и Надежда. Однако любое, даже, казалось бы, безутешное горе, само по себе утешительно.

Июль в том году выдался дождливым и холодным. Перестали гореть пожары. В воздухе разливалась свежесть. Дышалось легко. И мало-помалу Александра приходила в себя – успокоилась: перестала плакать, а улыбка к ней вернулась; впрочем, улыбалась она редко. Александра почему-то всегда считала, что улыбка не идёт к её лицу, а в действительности это совершенно не так. Но как было убедить её в собственной несуразности?

– Мама, – обратилась Александра, – а что мне теперь делать?

– Ну что? – как бы удивилась мать. – Остаётся только одно – это устраиваться на работу.

– Да, это так, – ответила Александра, как будто это знала и без напоминания матери.

Август выдался жарким и с редкими короткими дождями. Временами сгущался смог: горели торфяные болота.

Наконец Александра устроилась на работу администратором в частной организации. Работа помогла девушке забыть свою недавнюю жизненную неудачу. Работа же и внушила девушке, что теперь она самостоятельная и даже независимая особа.

Однажды Александра, возвращаясь с работы домой, увидела некоего мужчину, бесцельно идущего ей навстречу. Она замедлила свой шаг, чтобы дольше его разглядывать. Расстояние между ними неудержимо сокращалось, и когда оно уменьшилось, мужчина вдруг остановился и, пристально вглядываясь в девушку, не поверил своим глазам: перед ним стояла, казалось бы, Наденька – школьная любовь. Александра очнулась и скорым шагом прошла мимо, едва задев его руку. Вот оно, первое прикосновение любви! Он стоял и глядел на неё, безоглядно уходящую прочь. Она же улыбалась.

– Мама, – обратилась Александра, – а ведь правда, что бывает любовь с первого взгляда?

Мать нежно и вместе с тем подозрительно посмотрела на счастливую дочь.

– Ну, не смотри на меня так, – притворно возмутилась дочь.

За окнами дома уже темнело. Из мешковатого облака неожиданно вывалилась отлежавшая свой бок луна. Несмотря на эту деформацию, она, кривобокая луна, светила полной радостью. Как и в прошлый раз, лунным светом были залиты комнаты дома.

VI

Первые их встречи происходили как бы случайным образом, а тёплый сентябрь всё больше разжигал их нетерпеливые желания. Так вскоре назначенные встречи проходили в парке, где по-прежнему оставалось много гуляющих. На них, Александра и Александр, мало кто обращал внимания: ну, пара как пара. В ходе прогулок из кармана одежды Александра часто звучала музыка. Они, прогуливаясь, держали друг друга за руки и боялись разорвать эту, казалось бы, прочную связанность.

Александр, конечно, уже знал: Александра была дочерью Надежды, но зато она не знала, что Александр некогда любил её мать. Вот это как раз больше всего и пугало его: а что, если она вдруг узнает обо всём этом, как она себя поведёт после этого? Действительно тут было чего бояться.

До чего же удивительно непредусмотрительно происходят нежелательные встречи! Так однажды, прогуливаясь по парку при ис-

кусственном освещении лунообразных столбовых светильников, расставленных по кругу прогулочной дороги, повстречались пары. Каково было удивление, когда Александра наткнулась на своего отца вместе с одноклассницей, с которой сидели за одной партой. Эта одноклассница притворно обрадовалась подруге. Отец Александры оказался в крайне неприятной ситуации. Александр всё это видел и оставался в молчаливом недоумении. Вскоре они попарно разошлись.

– Что это было? – всё ещё недоумевал Александр.

– Непредвиденное...

– Неприятное?

– Можно и так сказать.

– Ну, так скажи.

– Теперь мать обо всём узнаёт.

Прогулка их продолжилась, и Александра рассказала своему спутнику и об отце, и о школьной подруге.

– Теперь непременно узнает, – как приговором произнёс Александр.

– Мы разберёмся, – утешительно сказала она.

– Вот и ладно.

В кармане Александра всё ещё оставался смартфон со звучащей музыкой, и они под неё не спеша направились домой.

Он проводил её до дома.

На следующий день бывшие муж и жена встретились. Она, разумеется, и не думала с ним увидеться.

– А ты знаешь, Надежда, с кем встречается твой бывший... ну, этот – Александр?

– А тебе какое до этого дело?

– И ещё какое! И знаешь где?

– Ну и?..

– А с нашей Александрой в парке.

Надежда решительно не знала, что ответить. Они разошлись. Она не поверила своему бывшему мужу. И всё же мать твёрдо решила проследить за дочерью.

VII

Вечером, когда едва стемнело, она пришла в парк. Горели лунообразные светильники на столбах; некоторые из них оказались неисправными: либо перегоревшими, либо разбитыми.

Вечер выдался тёплый, с лёгким ветром. Вновь из кармана одежды Александра лилась музыка – слияние энергичного ритма и вальса – «Лунный свет». Они шли, держа друг друга за руки. Александр вдруг остановился под светом у самого столба и повернулся к спутнице. Он, глядя ей в глаза, обнял её. Постояв так какие-то мгновения, они стали под музыку кружиться: сначала неуверенно и медленно, а затем всё увереннее и быстрее. Музыка «Лунного света» придавала им темп движения. В момент нарастания темпа и усиления звучания музыки вдруг сорвался с места поджидаемый удобного случая ветер. Листва срывалась с деревьев и кружилась и кружилась, медленно падая на землю. Листва же, лежавшая на асфальтной дорожке, вихрем поднималась на ветру и кружилась и как бы воодушевляла танцующую пару. Лунный свет с высоты столба освещал лишь небольшое пространство: два светильника оказались, как специально для этого случая, неисправны.

Надежда, затаившаяся в тёмном пространстве у опоры с повреждённым лунным плафоном, всё это видела. Мать воображала себя на месте дочери...

Надежда в слезах пришла домой... Вскоре домой вернулась и Александра.

– А ты часом не могла себе найти друга совсем стариком? – с обидой заявила Надежда.

– Понятно... рассказал всё-таки.

– Да, рассказал.

– И никакой он не старый, а просто старше меня.

– Просто старше, – передразнила мать.

– А ведь и отец наш выбрал себе молодую – мою недавнюю подругу.

– Разве?... А ну его...

– И её.

– Да...

– А не хотят мужчины выбирать себе в жёны ровесниц: ведь старики крепче держатся за молодых.

– И откуда ты это успела узнать?

– А тому у нас имеется наглядный пример.

– И какой, например?

– И мой, и твоего бывшего.

– Не хочу я этого слышать, – оскорблённо и обиженно заявила Надежда.

– Не обижайся, мама, – жалостно сказала дочь. – Но с годами женщины всегда выглядят старше... старше своих сверстников.

– И ты постареешь, – со злобой заметила Надежда.

– Но рядом с ним это не будет так заметно, – улыбнулась Александра.

– Здесь не только дело в старости...

– А в чём ещё? – испугалась Александра.

– А ты всё равно не поймёшь – тебе сейчас объяснять бесполезно: ведь ты сошла с ума по нему.

– Ну, тогда и не говори.

– А потом будешь кусать свои локти и лить горючие слёзы в подушку.

– Не болтай ерунды.

– Я не болтаю, а предупреждаю.

Александра оставалась непреклонной в своей правоте (любовь имеет на это право), и эта непреклонность начала нервно действовать на Надежду.

– А выбирай себе кого хочешь; может, и правда так лучше... лучше для тебя, – сказала она, сердито махнув рукой.

Александра ушла в свою комнату и, включив в смартфоне музыку «Лунного света», легла на кровать. Она, счастливо лёжа на боку, обняв себя руками и поджав ноги, воображаемо танцевала с Александром на том же месте, у столба под лунным светом. Музыка всё звучала и звучала, а Александра всё танцевала и танцевала в своём воображении.

Надежда находилась у себя в комнате, лёжа в постели. Она с закрытыми глазами воображала себя танцующей с ним. На мгновение Надежда открыла глаза.

– А он нисколько не изменился, – сказала она, улыбнулась и закрыла глаза.

Ночь выдалась лунной. В комнаты дома лился лунный свет.

VIII

В первый же день октября пошёл снег с дождём – это осень, плача, перед примеркой встряхнула своей белоснежной фатой. Осень, как бы убедившись, что она ей к лицу, солнечно

улыбнулась. Несколько дней простояло солнечное настроение осени.

А вскоре она, осень, два раза надевала и само белоснежное платье, но оно оба раза оказывалась не впору. Наконец в ноябре она окончательно нарядилась в белоснежное платье.

Само же пространство как будто оказалось убрано белой постелью... Ночи иногда выдавались лунными. А лунный свет ярко, не так, как до этого, освещал разобранную белоснежную постель пространства.

АЛИСА БЕСКРОВНАЯ

История третья. Кричащий издалека

Итан Деррик уже час стоял в назначенном месте и каждую минуту нервно смотрел на наручные часы. Было больше восьми утра. Он не понимал, почему Люси до сих пор не пришла. Если бы отец её поймал, она бы написала. Но никаких весточек не было. Её тоже не было. Итан стоял совершенно один у дерева возле церквушки. В ней уже давно закипела жизнь. Ещё немного, и они не смогут ничего сделать тайком. Итан ещё раз набрал номер. Опять недоступен.

9.00.

Итан терпеливо ждал.

9.30.

Ноги болели от усталости. Давно нужно было понять, что она не придёт. Итан решил пойти к ней домой, несмотря на опасность.

«Может, ничего не получилось, и сейчас она сидит и плачет в своей комнате?», – в надежде думал он.

Вдобавок ко всему нужно было обо всём рассказать преподабно-отцу, но Итан не решался. В сомнениях он в сотый раз посмотрел

Бескровная Алиса родилась в 21 лунный день в год земного тигра.

С ранних лет Алису привлекала мистика, присутствующая во всех её произведениях, всё чаще и чаще переходя в ужасы. Поэтому неудивительно, что непревзойдённым наставником автора стал Эдгар Аллан По, к которому Бескровная обращается за помощью в своих творческих начинаниях. Главный урок, который она усвоила: в книгах не должно быть счастливого конца, так как сама жизнь редко заканчивается хеппи-эндом.

на маленькую церквушку. За два часа она успела ему изрядно надоесть. Итан до сих пор не понимал, как можно было ходить в это обветшалое пристанище. Если бы не Люси, ноги бы его там не было...

«Пусть думает что хочет».

В этот момент он заметил на куполе какое-то движение, будто наверху кто-то сидел. Итан мельком увидел маленькое чёрное существо, похожее на собаку.

«Собака на куполе?!»

Он протёр глаза и ещё раз посмотрел наверх. Всё пропало.

«Видимо, сказывается недосып...»

Итан решительно направился к дому возлюбленной и, дойдя до места, притаился за соседним домом. Внутри раздавались голоса, там явно был какой-то переполох. Когда он собирался подойти поближе, из дома выбежал отец Люси. Они чуть было не столкнулись. Итан поблагодарил судьбу и заметил, что мистер Блер очень нервничал: лицо покраснело, движения резкие. Грузный мужчина тревожно крикнул своему брату, находящемуся в доме:

– Жди здесь. Она может вернуться, – с этими словами он порывистым шагом направился в сторону главной улицы.

«Видимо, побежал ко мне...», – подумал Итан и решил, что сейчас не лучшее время возвращаться домой.

Он решил прогуляться и обдумать ситуацию. Город только-только начал просыпаться: магазины открывались, люди куда-то спешили, улицы потихоньку оживали. Итану же теперь некуда было спешить. Он никак не мог понять, почему Люси не пришла к церкви. Это ведь была её идея втайне повенчаться и уехать. Уже всё было готово: с преподобным отцом всё обговорено, готовые вещи лежали в доме Итана, деньги собраны. Они ведь вместе всё планировали, зарабатывали!..

«Могла ли она просто убежать сама? Ведь все собранные деньги были у неё...», – эта ужасная мысль не выходила у Итана из головы и съедала его как паразит.

Именно она настояла оставить все накопления у неё, ссылаясь на рассеянность Итана. Он не стал спорить. Вспоминая эту историю, Итан ещё больше забеспокоился. В голове не укладывалась мысль, почему Люси могла так поступить.

Он вернулся домой к позднему обеду. Его мать, тараторя, что-то беспокойно спрашивала об отце Люси, но Итан даже слушать её не стал. Он махнул рукой и направился в свою комнату, закрыв дверь. На него навалилась ужасная усталость от недосыпа, долгой ходьбы и

переживаний. Посмотрев на сумки возле своей кровати, Итан тяжело вздохнул, упал на кровать, закрыл глаза и провалился в глубокий сон.

В следующий миг он стоял в тихой прекрасной роще. Всё было как во сне. Точнее, это и был сон. Итан отдалённо понимал, что это всё не по-настоящему, и решил подыграть своему воображению.

Неподалеку зазвучала весёлая музыка, слышался женский смех. Один из голосов отдалённо напоминал Люси. Итан сразу же направился в сторону раздававшихся звучаний. Прибежав на голоса, он увидел странную картину. Впереди на деревянном самодельном кресле сидело необычное существо, а возле него танцевали голые девушки. Итан готов был поклясться, что знал некоторых из них. Существо на троне было с рогами. Самое страшное – его лицо отдалённо напоминало Люси. А вместо человеческих ног – копыта. Существо тоже заметило Итана, но ничего не сказало, только медленно достало дудку и начало подыгрывать играющей музыке. Мелодия наполнилась новыми нотками: страстью и безудержным весельем. Девушки рядом начали танцевать ещё энергичнее.

Итан всё это время не смел сдвинуться с места. Что-то здесь было не так. Он не мог объяснить, но чувствовал, что не должен находиться здесь. Всё его нутро активно сопротивлялось происходящему. Итан ещё раз внимательно посмотрел на существо на троне. В его синих глазах отражались беспощадность и жажда. Жажда обладать.

Это была не Люси. Всё ложь.

Итан резко открыл глаза. Вся подушка промокла от пота, тело дрожало.

«Что это было?..»

* * *

На следующее утро Итан решил встретиться со своим другом Лео. Ему нужно было поговорить с кем-то, ведь Люси до сих пор не брала трубку.

Когда парень зашёл в кафе, Лео беззаботно сидел и смотрел в окно.

– Привет.

– Привет! – Лео, как обычно, был в прекрасном расположении духа.

Они заказали кофе. Лео терпеливо ждал, когда его друг назовёт причину такой срочной встречи, однако Итану было слишком тяжело начать. Он сидел и нервно мешал сахар в кофе.

– Так у вас... Ничего не получилось?.. – осторожно начал Лео.

– Нет, она не пришла.

– Ты серьёзно? Люси, которая сидела тут и божилась, что любит тебя и готова на всё, просто не пришла? Ты ей хоть звонил?

– Конечно, я ей звонил! Я не дебил! Она не берёт трубку, на связь не выходит. Просто пропала. Я ходил к её дому вчера утром, там Люси тоже нет.

– Да я и не говорю, что ты дебил. Просто... Странно всё это...

– Угу.

– Может, случилось что-то?

– Не знаю.

Оба долго молчали.

– Ты, кстати, слышал о Френсис Мейси? Она вроде тоже пропала, – вдруг начал Лео. Итан всегда поражался, как его друг так легко мог прыгать с темы на тему.

– Неужели? – безучастно спросил Итан.

– Ага, уже неделю о ней ничего неизвестно. Утром увидели открытый магазин, она всё бросила и куда-то убежала. Вроде её муж сказал, что она возвращалась домой, но была неадекватна, как будто под наркотой, а потом сбежала в неизвестном направлении. Больше её никто не видел.

– Ну конечно. Ты её хоть раз встречал? Никогда не поверю, что она была под чем-то. Скорее, её муж.

– Кто ж теперь знает.

– А полиция ничего не нашла?

– Не-а.

– Понятно. Как обычно. Это как с Крисом.

– Ой, не напоминай мне о нём. Его семья на лечение увезла в другой город, знаешь?

– В дурку, что ли?

– Говорят, что в какой-то центр реабилитации.

– Да это всё одно и то же.

– Мда... Бедный Крис. Совсем сошёл с ума из-за сестры.

– А ведь её тоже так и не нашли... – Итану от этого разговора становилось не по себе.

– И не найдут. Тут походу ничего не могут найти. Вроде город маленький, а толку...

Итану было страшно подумать о том, что Люси могла стать ещё одной жертвой исчезновений. Лучше бы она просто убежала от ро-

дителей и от него. Но всё слишком непонятно. Итану также не давал покоя сегодняшний сон. Он не был похож на обычный. Знак ли это?

– Мне сегодня такой странный сон приснился...

– В плане?

– Там танцевали куча женщин, и одна из них была похожа на Люси.

Играла музыка...

– Эротика снилась, что ли?

– Нет! Просто... Сложно объяснить... Да, они были голые, но...

– Да ладно, мне тоже иногда такое снится...

– Да иди ты!

Больше Итан не хотел ничего обсуждать с Лео. Тем более он не знал, как объяснить свои ощущения. Да и был бы его друг немного посерьёзнее...

«Мне бы немного его позитива...», – часто думал Итан, общаясь с Лео.

Через несколько минут парни разошлись, и Итан направился обратно домой. Он чувствовал себя ужасно уставшим, будто не спал вовсе. Возможно, это было просто душевное истощение. Итан всё больше подозревал, что Люси убежала и от него, и от родителей вместе с деньгами. Он никогда не сказала бы, что она похожа на обманщицу. Хотя они были всего полгода знакомы. И всё же... Говорила, что друзей у неё нет, что максимум, куда выходит – это церковь. Рассказывала ему, как она страдает от постоянного контроля отца. Неужели это всё была хитрая манипуляция? А он повёлся, как мальчишка? Но ведь Итан и вправду её любил и... любит. До сих пор любит. Для него Люси была невинным ангелом, чистой и непорочной девушкой. Он никогда не позволял себе никаких пошлостей или неприличных прикосновений, хоть и не был религиозен, но по её наставлению решил повенчаться. Ведь для Люси только брак, одобренный господом, был истинным. И они столько времени потратили на все эти беседы, договорились с преподобным отцом о тайном венчании... Хотя Итану казалось всё это бессмыслицей, он согласился на подобный шаг ради Люси. Всё это было ужасно непросто. И что в итоге? Все старания потрачены впустую.

Когда Итан дошёл до дома, он чувствовал себя ужасно истощённым. Все эти мысли давили на него тяжёлым грузом. Он ушёл в свою комнату и лёг в кровать. Ужасно клонило в сон, хотя, казалось бы, он спал всего несколько часов назад. Несмотря на это, Итан закрыл глаза и ушёл в забытие.

Заиграла уже знакомая музыка. Он как будто отлучился в реальный мир всего на пару минут и вновь вернулся в страну грёз. Итан сразу же устремился в известную рощу. Девушки всё так же танцевали, как будто и не останавливались вовсе. Их танец даже начинал нравиться Итану. Хотелось тоже окунуться в эту беззаботную, дикую пляску. Будто прочитав мысли, одна из девушек легонько взяла его руку. Он молча согласился на её предложение и начал кружиться вместе со всеми. Что-то было во всём этом сумасшедшее. В Итане появились чувства, которые он никогда не ощущал. У него кружилась голова, но он забыл обо всём и всё танцевал, танцевал. Ноги не слушались, голова кружилась. Итан упал на мягкую траву и перевёл дух. Музыка стала громче, начала играть быстрее. Перед глазами Итана показались два копыта. Он поднял голову и увидел уже знакомое таинственное существо. От него пахло цветами и чем-то животным, похотливым... Сейчас его лицо почему-то ещё больше напоминало Люси. Оно подало ему свою худую руку и ласковым голосом сказала: – Птенчик, иди ко мне.

Итана пробрала дрожь от этих слов. Это был голос Люси, только искажённый, неестественный... «Птенчик» – так его называла только Люси. Откуда существо знает об этом?

Итан машинально поднялся, но руку не взял. Существо сразу же обняло его, отчего ещё больше почувствовался животный запах. Оно без конца повторяло слово «птенчик», и Итана с каждым словом одолевал гнев. Он не мог больше это выносить и грубо оттолкнул существо.

– Заткнись! Только Люси могла меня так называть! Пошла вон!

В этот момент лицо существа исказилось. Оно показало своё истинное «я». От его уродливого вида Итана чуть не вырвало. Виски пронзила острая боль, в ушах зазвенело.

Итан открыл глаза.

Он был в своей комнате. Однако запах... Так пахло в больницах. Итан поднял голову и увидел, что возле кровати стоит капельница. Лицо исказилось в страшной гримасе. Ему было ненавистно всё, что связано с больницей. В панике он выдернул из артерии иглу. Руку пронзила боль. Прижав ладонью ранку, Итан медленно поднялся. Голова кружилась. В голове было пусто.

«Нужно спуститься и спросить маму, что произошло».

Итан неторопливо, чтобы не упасть от головокружения, спустился вниз и позвал маму. Женщина, услышав своё имя, выбежала из кухни.

– Боже, Итан, ты проснулся! – воскликнула она и подбежала к сыну. Беспокойная женщина начала обнимать и судорожно целовать его, от этого голова Итана закружилась ещё сильнее.

Он неохотно отодвинул её от себя и тихо спросил:

– Мам, что произошло?

– Итан, мой мальчик. Я так за тебя переживала. Ты не выходил из своей комнаты почти целый день. Я стучала, звала тебя, но безрезультатно. Пришлось ломать дверь. Ты лежал на своей кровати и спокойно спал, но никак не реагировал. Я толкала тебя, звала, но ты не просыпался. Мне пришлось позвонить в скорую... Знаю, ты этого не любишь. Но я так испугалась! Врач сказал, что ты впал в летаргический сон.

– Летаргический сон?..

– Сама удивилась! Ведь с тобой такого никогда не происходило...

Итан не мог вспомнить ничего. Всё было как в тумане. Он долго сидел на диване, судорожно пытаясь вспомнить хоть что-то. Мать принесла ему чай и ласково погладила по плечу.

– А ещё... О, боже, Итан, не знаю, как тебе сказать... Наверное, не стоит сейчас...

– Говори уже, – нервно перебил её сын.

– Люси...

Сердце Итана застучало сильнее.

– Люси умерла...

– Как?!

– Её нашёл отец... Сбросилась со скалы либо упала. Бедняжка...

Итан не был готов к такой новости. Он хотел кричать, бежать, рвать на себе волосы.

– Когда похороны? Я пойду... – только и сказал он.

– Они были вчера...

От этих слов Итан упал на диван и расплакался. Миссис Деррик пыталась его успокоить, обнимала, говорила успокаивающие слова, но он не воспринимал никакую информацию. Итан не мог поверить в услышанное. Ему нужно было видеть могилу собственными глазами. Несмотря на протесты матери и угрозы, он быстро оделся и пошёл на кладбище.

* * *

Был холодный тёмный вечер. Только слабые фонари освещали кладбище. Итан недолго искал её могилу, так как примерно понимал, где могли похоронить Люси. Возле матери. Они часто приходили к ней. Люси знакомила её со своим будущим мужем, разговаривала...

Когда Итан увидел возле знакомой плиты совсем новую, со свежими цветами, он чуть не упал в обморок. Он не мог в это поверить. Не осознавал. На плите была надпись:

«Люси Блер. Вечная память о тебе в сердцах родных».

Итан опустился на колени и положил возле могилы лилии. Это были её любимые цветы.

«Как?», – бесконечно повторялся вопрос в голове Итана.

Он ничего не понимал. За что и почему такое произошло. Только недавно они были счастливы, смеялись вместе, говорили о будущем... И вот конец...

От тяжёлых мыслей Итана отвлѣк тихий собачий вой неподалѣку. Он осторожно посмотрел за плиту, откуда послышался звук. В отдалении стоял чѣрный грязный пѣс. Глаза его сияли зловещим блеском. Итан не шевелился, боясь, что пѣс побежит к нему и набросится. Однако тот стоял и спокойно смотрел на Итана сияющими глазами.

«Рай», – раздался неизвестный голос в голове.

– Ты что здесь делаешь?! – послышался грубый и до боли знакомый возглас за спиной. Итан поднял голову и увидел отца Люси. – Вали отсюда, щенок, пока я сам тебя не выгнал!

Итан посмотрел в сторону, где стоял пѣс, но там уже никого не было.

«Галлюцинация?..»

– Эй! Не притворяйся, что не слышишь меня! Я сказал, убирайся отсюда!

– Простите, но мне кажется, что я тоже имею право с ней попроситься.

– Ты не имеешь никакого права! Пошѣл вон с могилы моей дочери! Если бы не ты, она была бы жива!

– О чѣм вы говорите?! Я только сегодня узнал, что она умерла, потому что всё это время болел и даже на похороны не смог прийти. Дайте мне с ней проститься, будьте человеком!

– Слава богу, что не пришѣл! Твоѣ присутствие никто бы не перенѣс.

– О чѣм вы говорите? Я понимаю, вы были против наших отношений, но обвинять меня в убийстве?!

Мистер Блер ненавистно смотрел на парня. Итан ответил ему тем же злым взглядом.

– Примерно пять дней назад она пришла ко мне ночью... проститься... – тихо начал мистер Блер, сжимая кулаки от гнева. – Тихо

толкнула меня, быстро сказала, что уходит навсегда и скрылась. Это длилось буквально минуту. Я спросонок не понял, думал, приснилось. Когда настало утро, поздно понял, что всё это не сон. Я искал её по всему городу. Пришёл к тебе, а твоя мамаша сказала, что тебя тоже нет. В тот момент я понял, что ты всё-таки уговорил её сбежать, и пошёл искать вас. Однако через несколько часов твоя мать позвонила и сказала, что ты вернулся домой, очень странный и сонный, и сразу же закрылся в своей комнате. Моё отцовское сердце чувствовало, что что-то здесь не так. Люси до сих пор не было... Я чувствовал, что нужно спешить. Мы с братом долго её искали и на следующий вечер нашли... Мёртвую... Она сбросилась с обрыва. Вскрытие не выявило каких-либо насильственных действий, она сделала это сама.

От этих слов у Итана кровь застыла в жилах.

– Что ты сказал моей дочке, паршивец? Что ты ей сказал?!

Мистер Блер толкнул ногой Итана и, когда тот упал, взял за шиворот и начал грубо трясти. Итан задышался. Он жёстко оттолкнул нападающего и побежал подальше, пока тот его не убил. Вдалеке слышались слова проклятия.

Итан, спотыкаясь, бежал всё дальше. Ему казалось, что если отец Люси его догонит, то точно убьёт. Пробежав достаточно далеко, он остановился, чтобы собраться с силами. Голова взрывалась от количества вопросов.

«То есть не только я не дождался Люси? Значит, она шла ко мне, но что-то случилось... Почему, почему она умерла... так?.. О, Люси!»

Итан ломал руки, не понимая, как такое могло произойти. Всё это время он думал, что Люси убежала с деньгами, встречался с другом, спал. Надо было тоже искать её! Итан чувствовал себя последним подонком.

«Нужно пойти в полицию и там всё выяснить, дать показания. Может, это как-то поможет. Буду надеяться, что кто-то сжалится надо мной и расскажет, как всё было».

Итан осмотрелся по сторонам. Повсюду виднелись могильные плиты, кресты и нескончаемый лес. Он бессильно сел на первую попавшуюся лавочку.

«Никогда не думал, что кладбище такое огромное...»

Бесполезно было разглядеть что-то вдалеке. Повсюду царилась тьма. В этой части кладбища не было ни одного фонарика. Только луна на небе освещала место. Итан просидел так пару минут. Становилось всё холоднее.

«Ни черта не видно! Почему здесь нет ни одного фонаря? Может, это какая-то старая часть кладбища? Не могу же я всю ночь здесь пробывать. Нужно выбраться из этого проклятого места!»

Итан встал и направился в сторону тропинки, по которой он бежал от мистера Блера. Вдруг сзади послышались тихие писки. Парень обернулся и увидел вдалеке что-то отдалённо похожее на огоньки.

«Может, это люди?»

– Эй! – прокричал он, надеясь, что его услышат. Но огоньки так и продолжали стоять на месте.

Итан быстрым шагом пошёл в сторону света, но огни как будто отдалялись. Итан предположил, что люди уходят, и стал кричать ещё громче, звать на помощь, затем побежал. Однако огоньки уходили всё дальше и дальше.

«Может, это светлячки такие? Да нет... Слишком большие...», – промелькнуло в голове Итана, когда свет вдалеке стал совсем бледным.

Он остановился и, осмотревшись, понял, что идёт не к выходу, а наоборот – дальше, вглубь кладбища. Парень ещё раз посмотрел в сторону огоньков. Они снова остановились и как будто ждали, когда за ними пойдут.

«Что-то тут не так...»

Итан зашагал обратно. Однако прошло довольно много времени, но картина не менялась. Кладбищу не было конца, хотя всё это время Итан шёл по тропинке.

«Её же кто-то здесь протоптал!», – в отчаянье думал Итан.

Внезапно вдалеке раздался протяжный звук, словно кто-то скользил по сухому стволу дерева. Затем послышался чей-то слабый стон и нечто похожее на рыдание...

«Люди!», – опять подумал Итан и побежал на плач.

Он не заметил, как вокруг всё окутал туман, появившийся из ниоткуда. Чем ближе к звукам – тем гуще он становился. Сквозь дымку Итан заметил силуэт, отдалённо напоминающий длинноволосую женщину в плаще. Лица её не было видно.

– Эй, девушка! Прошу, помогите мне. Кажется, я заблудился...

Женский силуэт обернулся, и Итан остолбенел. Он увидел перед собой страшную старуху. Лицо её было ужасно бледным и иссохшим. Только отдалённые черты напоминали человеческие. Как будто она была существом из потустороннего мира. Маленькие чёрные глаза пристально смотрели на Итана.

В них он увидел свою смерть.

Итан резко повернулся и побежал дальше. Дальше от смерти. Позади слышалось рыдание, но он не обращал на это внимания. Итан бежал от видения. То, что ему привиделось, не могло быть правдой. Это страшно, ненормально, неправильно...

Он споткнулся и упал на холодную землю. После этого он немного пришёл в себя. Итан осмотрел тело. Отделался только царапинами на ладонях, грязью и несколькими дырками на одежде. Ничего страшного. Он с опасением прислушался.

Всё затихло, будто умерло.

Итан уже не понимал, куда идти. Казалось, что отсюда невозможно сбежать. Он оказался в ловушке. Городское кладбище никогда не было таким большим.

«Нужно выбираться!», – подбодрил себя Итан.

Он встал и обречённо побрёл вперёд. Через некоторое время неподалёку опять послышались неприятные звуки. Итан быстро спрятался в зарослях, боясь вздохнуть. Его нервы были максимально натянуты. Он будто бы попал в комнату с испытаниями. Невозможно хоть на секунду расслабиться – постоянно что-то происходит. Итан внимательно осмотрел всё вокруг из зарослей кустарника.

Возле груды камней стояла гигантская свинья с длинным спиральным хвостом. Итан не мог вспомнить, чтобы видел что-то подобное. Её пасть украшали огромные острые клыки. Она агрессивно рыла землю копытами, будто выискивая что-то, и протяжно хрюкала. Этот хрюк явно не принадлежал обычной свинье: слишком громкий, казалось, он сотрясал землю. Глаза свиньи в темноте горели ужасающим красным цветом. От такого зрелища со лба Итана потёк холодный пот.

«Нужно было уходить отсюда, и как можно скорее!»

Он хотел тихо отойти подальше от неизвестного существа. Однако не успел Итан сделать шаг назад, как огненные глаза свиньи посмотрели в его сторону.

Мир на секунду остановился. Они оба, не отрываясь, смотрели друг на друга.

Итана пробрала дрожь. Свинья выгнула спину и опустила голову, готовясь к нападению. Щетина на её спине выросла, стала острой и напоминала лезвия пилы. Она с огромной скоростью надвигалась на свою жертву. Итан еле успел увернуться, после чего в страхе обернулся. Он боялся, что свинья пойдёт на него ещё раз. Однако она ждала. Как будто давала время. Итан не стал тормозить и в панике помчался подальше от монстра.

Пробежав довольно долго, он остановился и спрятался за деревом, чтобы отдышаться. Ужасно хотелось пить, грудь болела, сильно пахло потом и грязью. Итан понимал, что ещё один подобный забег его тело не выдержит.

– Господи, если ты и вправду существуешь, спаси меня.

Итан уже начал вспоминать молитвы, которым учила его Люси, как вдруг над головой послышалось громкое карканье. От этого звука парень подпрыгнул. Он уже не был уверен, что находится на кладбище. Это всё больше походило на страшный сон.

«Может, мистер Блер всё же убил меня?»

Карканье повторилось, Итан поднял голову. На суку сосны сидел седой ворон с белым клювом. Глаза его больше походили на человеческие, чем на птичьи. Ворон быстро перелетел на ветку соседнего дерева.

«Неужели он ведёт меня?..»

После недавно пережитых событий Итан уже мало чему удивлялся. А что если это ловушка? Но от ворона не исходило никакой злобы. Даже наоборот. Что-то вызывало в нём доверие. Возможно, такое ощущение создавалось из-за глаз. Уж больно они напоминали человеческие...

Итану ничего не оставалось, как пойти за птицей. Пройдя примерно полчаса за странным существом, парень заметил вдалеке что-то отдалённо напоминающее забор. Но он не спешил с выводами. Из-за темноты и лёгкого тумана мало что можно было разглядеть на расстоянии. Подойдя поближе, Итан уже точно мог сказать, что видит железную дверь. Он, как ненормальный, бросился вперёд. Выйдя на волю, Итан готов был целовать землю. За кладбищем даже воздух казался другим.

«Господи, если это не сон, и я вправду выбрался, то готов поверить в тебя!»

За спиной послышалось знакомое громкое карканье. Итан обернулся. Необычная ворона осталась сидеть на суку дерева возле выхода. От одного вида кладбища Итана пробрала дрожь. Он решил, что больше никогда сюда не вернётся. В ушах до сих пор слышался вой той старухи. И это видение... Видение смерти. Его смерти.

– Что, чёрт возьми, со мной произошло?

АЛЕКСАНДР МАХНЁВ

Часы пробили полночь...

Лидия Васильевна проснулась с тяжёлой душой. Семьдесят пять сегодня стукнуло. Если бы тридцать или хотя бы пятьдесят, можно было бы радоваться. Но семьдесят пять – перебор. Хорошо, когда дети рядом, внучата, правнуки вокруг стола ползают. Ан нет. Никого рядом нет, да и не было. Мужа не выбрала. Мужчины были, но то просто попутчики, одноразовая утеха, как говорят. Родители умерли рано, и после их смерти никого не осталось, разве что племянник и сестра живы-здоровы, живут, правда, далеко. Подруг нет, парочка таких же, как и она, старух рядом крутятся, это если не болеют. А так всё одна да одна.

Погода дрянь. Вроде лето, июль, а холодно, дождик с утра моросит. Плохи дела.

Махнёв Александр Владимирович родился в 1949 году. Профессиональный военный. В 1972 году окончил Рижское ВКИКУ имени маршала Советского Союза С.С. Бирюзова, в 1981 году с отличием и золотой медалью ВПА имени В.И. Ленина. Служил в ракетных войсках стратегического назначения, в центральном аппарате космических частей Министерства обороны РФ. Полковник в отставке. Имеет правительственные награды, в том числе орден «За службу Родине в Вооружённых силах СССР» III степени, юбилейные и памятные медали. После увольнения в запас продолжает трудовую деятельность в коммерческих структурах.

Автор более двадцати книг, лауреат литературной премии имени маршала СССР Крылова Н.И. (2017 г.), национальной литературной премии «Писатель года 2017» (3-я премия в основной номинации), обладатель Гран-при Всеармейского литературного конкурса «Твои, Россия, сыновья» (2018 г.). Член Союза писателей России.

Она неспешно поднялась, набросила халат, одеяло подтянула к подушке, всё на диване стало привычным, вроде как заправлено. Три шага, вот и кухня. Кухонька маленькая, метров шесть, не развернуться. Одно удобно – пол мыть, тряпкой вокруг себя провела – и пол чист.

В дверном проёме показались два кота, понимают, хозяйка поднялась, сейчас что-то в миску перепадёт. Замурлыкали, о ноги трутся. Старые уже, если на человеческую жизнь их года перевести, так они с ней ровесники. Сколько она с ними мается... А котят нарожали за это время... не счесть. Но вот притихли, уж лет пять только урчат, жрут да гадят.

– Ах, мои родные, только вы меня и любите, сейчас я покормлю, сейчас, родные мои.

Громко зазвенел телефон.

– Ну что ты орёшь, иду!

Это она телефону, научилась с ним разговаривать. Лет сорок ей служит. Старый, огромный, неудобный, звонок резкий, неприятный, а вот привыкла, не меняет. Но не только в привычке дело, суеверной стала Лидия Васильевна, старые вещи выбрасывать – плохая примета. А тут телефон. Никого рядом нет, а зазвонит, пусть громко, неприятно, но зазвонит, значит, есть ещё человек, которому она, старая бурчащая бабка, интересна.

– Алё! А... Душа пропащая, вспомнил! Вспомнил, что тётка есть, что жива ещё. Вы только по праздникам меня и поминаете. Да! Да! Именно поминаете, всё не дождётесь, когда помру... Ладно, ладно, не шуми. Не шуми, я сказала! Что звонишь? Ясно, ясно... Да не день рождения, дорогой, юбилей у меня, вот так! Семьдесят пять годков стукнуло. От главы администрации подарки принесли, гостей полон дом, цветы... сидим шампанское пьём... Да, да. Ничего... не мешаешь, успокойся. Позвони как-нибудь, поболтаем... Спасибо, спасибо, своим привет.

Положила трубку, присела. Глянула на руки, те непривычно трясутся. Не от старости трясутся, она знает, противятся руки вранью. Зачем про шампанское наплела? Какая администрация? Какие подарки? Ложь, всё ложь! Племяшу, как последняя врунишка, как школьница, наплела глупости. А ведь поплакаться хотелось, рассказать об одиночестве, просто по-бабьи повить, разрыдаться. И понял бы племяш, хороший мужик, обстоятельный, добрый, понял бы. Так нет – «...сидим, шампанское пьём...» Да у неё в холодильнике, кроме пачки молока, уже месяц ничего жидкого нет... Шампанское...

Что за дурацкая натура.

Только к котам, вновь звонок. Приосанилась, вздохнула полной грудью, улыбнулась зеркалу.

– Алё... Нет таких тут... Нет, я сказала...

«Что за народ, я ему “нет”, а он – “подать сюда...” Что за люди?»

Коты по-прежнему толкались у ног, поглядывая на хозяйку.

– Вот вам. Кушайте, кушайте, родные мои.

Небо прояснилось. Вышла на балкончик, глянула во двор. Картина привычная – мамы с ребятами гуляют, старики в домино бьются, кому-то мебель завезли, трудяги в поту коробки таскают. Ничего нового и интересного.

Тоска...

Звонок. Теперь уже в дверь. Потуже запахнув халат, прошла к двери. Глянула в глазок, а там муть, помыть этот несчастный глазочек недосуг.

Открыла дверь.

– О! Девчонки... Заходите, заходите...

Отступив в сторону, пропустила гостей в квартиру.

Подружки пришли. Конечно, они уж далеко и не девчонки, и не девушки, в трамвае таких, уступая место, бабушками называют. Но меж собой они себя «девчатами» величают. А как ещё называть: с пяти лет знакомы. Живут по соседству. Как и она, одиноки: Тамара вдовствует лет десять и Ирочка давно без мужа.

Тамара с улыбкой обняла Лидию Васильевну.

– Лидочка, дорогая, с днём рождения тебя, здоровья, благополучия, долгой жизни тебе.

Ирина Ивановна протянула юбилярше пакет и букетик цветов:

– Живи нам на радость, Лидок, здоровья тебе!

Юбилярша, ковырнув пальчиком упаковку, усмехнулась:

– Ох! Горшок-то какой, что я в нём держать буду?

– Не обижай нас, не обижай, не горшок это, кувшин для напитков.

И не такой уж и большой. Куда цветы поставить?

Лидия Васильевна засуетилась.

– Девчата, проходите в комнату, я сейчас, платьишко только надену. Сейчас.

Гости прошли в комнату, присели к столу. Хозяйка поставила чайник, чашки на блюдечках, сахарницу, варенье. Торжественное застолье началось.

Первое слово взяла Тамара Павловна.

– Вообще-то, Лидочка, могла бы и шампанским по случаю юбилея угостить. Да ладно, простим по дружбе. Ну, с юбилеем тебя, здоровья, счастья! Рассказывай, кто поздравил, кто звонил, что говорили. Рассказывай.

– Что рассказывать, много звонков было, вот даже привести себя в порядок не успела. Перед вашим приходом племянник, Павел, звонил, деньги в подарок перевёл, завтра на почту схожу.

Вновь зазвонил телефон.

– Вот опять... Девочки, извините, я отвечу.

Она подошла к телефону.

– Алё! А... и ты... Наконец вспомнила родственницу. Что, забот много? Ладно, не оправдывайся, понимаю. Что же, и я не звоню... Но ты моложе, могла бы старшую сестру и уважить. Ладно, ладно... Как отмечаем? Да как, девчонки пришли, подарки принесли, с работы бывшей начальник прискакал, конфеты принёс, помнят меня ещё там, открытку подписали... Нет-нет, я на балкон вышла, они там песни поют, так что всё нормально. Ну а ты как? Как внуки?

Поболтав минут пять, Лидия Васильевна положила трубку. Тамара поинтересовалась:

– Сестричка звонила?

– Да. Видите ли, некогда ей написать или позвонить. Хорошо о юбилее вспомнила, поздравила.

Ирина Ивановна с улыбкой посмотрела на подругу.

– Лида, что ты их так не любишь, родственников своих? Вот и на Татьяну наговариваешь. Чем она провинилась перед тобой? Про начальника какого-то бывшего наговорила ей, песни мы якобы уже поём. Кому это враньё надо? Я смотрю, ты уже по-другому не можешь.

Лидия Васильевна насупилась.

– А тебе какое дело до моих отношений с родственниками? Не тебе меня осуждать, на себя посмотри...

В разговор вмешалась Тамара Павловна.

– Девочки, тише, что вы как курицы в курятнике раскудахтались, не ссорьтесь.

Женщины притихли. Чаепитие продолжилось. Лидия Васильевна раскраснелась, чувствовалось, замечания подруг её тронули.

– А что? Они все меня забыли. Сами в богатстве купаются. У Пашки дом – четыре этажа. Штук пять машин. По заграницам регулярно болтается. Его мымра три шубы в сезон меняет, а я... А Татьяна? Видите ли, завод у неё свой. Ишь, «заводчик», фабрикантша, миллионщица...

А я в семейном общежитии сорок лет маюсь... И хоть бы кто из родных слово сказал, к себе пригласил.

Тамара Павловна, нервно достав пачку сигарет, закурила.

– Лида, ты не права, в том, что ты одна и здесь, в этом гадюшнике, сорок лет проживаешь, сама и виновна. На родных всё сваливать негоже, вспомни, с чего всё начиналось. Не ты ли на отца с ножом бросалась, это же ты заставила его разменять квартиру. Шикарная квартира была. Сама кошмар устроила, а теперь родню пинаешь. Вместо того чтобы найти обстоятельного мужчину, семью создать, по кобелям избегалась, лет тридцать бесновалась: «...рано замуж, кому дети нужны, только орут по ночам». Не твои ли слова? А теперь Пашке завидуешь. Да, четыре этажа у него, жена-красавица, детей четверо и внуков куча. Но всего этого он любовью да трудом своим добился. На Татьяну обижаешься. А сколько раз она тебя к себе звала переехать, а? А ты съездишь к ней, поживёшь неделю, разругаешься без повода – и домой. Не крути носом, кто тебе честно всё скажет? Только мы! Так что помолчи.

Тамара Павловна чувствовала, перегибает палку, разговор принимал непредсказуемый, угрожающий характер, но когда-то нужно правду-матку в глаза сказать, пусть и неприятную правду, но сказать нужно.

– Лида. Ты прости меня за прямоту и честность, ведь всё, что я здесь наговорила, это всё из любви и уважения к тебе...

Лидия Васильевна медленно встала, подошла к двери, открыла.

– Уходите. И горшок свой заберите. Я больше вас знать не хочу. Уходите...

* * *

В тот день больше никто не приходил. Звонков тоже не было. Спать Лидия Васильевна легла рано. Коты, как всегда, устроились в ногах. Заснуть не могла, голова распухла от дум. За что? Почему? Почему к ней жизнь так несправедлива и зла...

Часы пробили полночь.

Начался её семьдесят шестой год жизни.

НИНА НАЗАРОВА

Звезда единой жизни

Второй день они шли по тропе к его мечте. Желание покорить вершину – только вдвоём с ней – полностью овладело им. Вот почему он так долго и упорно уговаривал её на это восхождение, ближе к их любимым облакам и звёздам.

Вспоминая это, он поймал себя на мысли, что сам не один раз отказывал ей.

Прыгнуть с парашютом так и не согласился. Почему? Самому себе он мог признаться – безумно боялся. Только от одной мысли, что придётся сделать шаг в пустоту, у него появлялась приторная сладость во рту, прошибал холодный пот, а сердце оказывалось в пятках. Бр-р-р-р! Пренеприятнейшее состояние. Да, уверенно он мог чувствовать себя, только ощущая под ногами твердь земли. А там – воздух, ничто. Хотя, конечно, можно привести в пример Христа, что по воде ходил, яко посуху, явления Богородицы на небесах, но он-то простой смертный. Да, лучше уж по земле ножками, ножками.

Назарова Нина Павловна родилась в 1951 году в Подмосковье. Живёт в Москве. Образование высшее (химик-технолог). Писать начала в начале 2000-х гг. В основе творчества – небольшого формата новеллы романтического и притчевого содержания, зарисовки о природе, стихи. Главное в них – любовь, вера, надежда на сохранение нравственных качеств человека.

Учится на актёрском курсе московского Театрального центра «Станиславский». Ведёт клуб «Друзья поэтов».

Однако за всеми этими мыслями он не выпускал из виду её. Неожиданно судорога сильнейшего страха свела всё внутри – в уме возникла чудовищная картина падения любимой в ущелье. Он поторопился стереть видение и с усиленным рвением стал подстраховывать её, буквально терроризируя девушку указаниями. Он не узнавал себя. Казалось, что вершина его мечты поднимала со дна души то, что он даже не подозревал в себе – огромное количество разных страхов, а в итоге один самый большой – страх потерять её. Одновременно он осознавал, насколько огромна его любовь к ней. Да, он очень-очень любит её. Кольцо, что лежит около сердца, становится не просто данью обычаю, а выражением гораздо большего – жизни в вечной любви.

Скоро будет привал. Вон за тем карнизом, на который они сейчас выйдут, видна площадка. Там он и признается ей в любви, наденет кольцо на палец. Не будет ждать вершины, как задумал ранее. Да, именно так и поступит. Мысли рисовали прекрасное будущее. Незаметно для себя он поддался их чарам. Мгновенно невидимая связь между парнем и девушкой прервалась. Очнувшись от мечтаний, он увидел, что её нет рядом, а глаза вдруг зафиксировали её падение в ущелье. Ужас объял его.

Она шла впереди. Второй день они поднимались к его заветной мечте – к вершине. Никогда не горела она страстью к горным восхождениям, но он их любил, поэтому и поддалась на долгие, упорные уговоры. Спасибо ещё, что пока не приходится пользоваться спецснаряжением. Тропа хорошая, хотя и опасная, идёт по самому краю ущелья – глубокого, мощного, красивого. Далеко внизу слышен глухой шум дикой в своей необузданности речки. Растения встречаются реже и реже. Деревья предстают настоящими героями. Нужно обладать гигантской волей к жизни, чтобы закрепить корни на скалах и расти на них.

Она восторгалась строгой, мужественной красотой природы. При взгляде в ущелье её захватывало чувство полёта. Прыжок с парашютом, прыжок в пустоту – это её мечта. Долго и упорно она уговаривала его прыгнуть вместе, но безрезультатно. У него всегда находились причины отказать ей. Зато теперь он не отвертится. Взявшись за руки, вдвоём, они сделают этот шаг в небо. Там она и прокричит ему громко-громко о своей любви. Да, они это сделают.

Ей стало так хорошо и радостно, что она даже поблагодарила парня за это путешествие и простила ему то, что достал её до печёнок предостережениями: «Не хватайся за траву, живой камень». Она про себя рассмеялась, но вдруг стало что-то происходить. Камень, на который она наступила, действительно оказался «живым». Он вывернулся из-под ноги. Потеряв опору, девушка откинулась назад и... полетела.

«Господи! Неужели мысли могут так мгновенно реализовываться? Я лечу? А где же он?» – глаза выхватили и моментально потеряли смертельно бледное, с ужасом смотрящее на неё лицо. Над ней было только небо и их любимые облака. Раскинув руки и ноги звёздочкой, лёжа спиной на рюкзаке, она сама была будто облаком. Ощущение полёта наполняло её. Казалось, что руки – крылья, взмахни ими – и полетишь куда хочешь, а не куда тебя тянет сила тяжести. У неё не возникло ни тени страха, ни малейшей мысли о возможной смерти. Она была счастлива. Восторг свободного полёта переполнял её.

Так же неожиданно, как началось, падение прекратилось. Как будто раскрылся парашют, и тебя подбросило рывком вверх. Но произошло иное. Между её рюкзаком и спиной мгновенно пролетел толстый сук, нанизав её, как бабочку на булавку, остановив импровизированный полёт. Теперь она висела лицом вниз.

Интересно было разглядывать почти инопланетный пейзаж. До дна далеко. Мелькнула шальная мысль: «Лететь и лететь бы ещё». Внизу зелень растений, бело-голубой поток воды и камни. Они играют всеми цветами радуги в солнечных лучах, с трудом пробивающихся туда. Она всматривалась в берег напротив: «Это же полотно импрессионистов! А я – единственный зритель». Выглядело всё так, будто кто-то в азарте игры щедро расшвырял самоцветы. Такого богатства красок видеть ей не приходилось ни разу. Она вновь поблагодарила – кого? – за то, что ей открылось. С удивлением отметила в себе обострённое чувство благодарности ко всему и ко всем.

Мысли переключились. Мама. Сколько было попыток ускользнуть из-под её надзора, сбегая с тренировок акробатики. Всё зря. Мама видела дочь артисткой цирка и добилась своего. Дочь стала бесстрашной воздушной гимнасткой. Вот и сейчас всё как в любимом цирке, только вместо купола здесь небо, а вместо арены – далёкая

земля ущелья. Верх– низ, небо – земля, жизнь – и... жизнь (иного не мыслит), и она посередине. Не хватает только объявления номера: «Внимание! Внимание! Головокружительный номер под куполом неба без страховки!» Да, красота красотой, но быть бабочкой гербария ей вовсе не хотелось. Включился ум и начал готовить трюк – оседлать сук, на котором висишь. Ей удалось это сделать. Как? Только с Божией помощью.

Вспомнился старый анекдот про атеиста, повисшего на кустике в пропасти. Он умолял: «Господи, спаси! Только спаси меня! Я буду верить в Тебя». – «Хорошо, отпускаяй руки». – «Ты что?!» Она же безоговорочно поверила и теперь сидела у основания сука, прижавшись спиной к холодной скале. Её ум с удивлением отмечал, что нигде ничего подобного её «трону» не было. В очередной раз она произнесла молитву благодарности Богу, спасшему её. В это она верила свято.

Полностью успокоившись и придя в себя от всех испытанных впечатлений, она начала подъём. Казалось, сам Ангел Хранитель шёл впереди, проверяя каждый камень. Это было необъяснимо, но так. Более лёгкого подъёма у неё никогда не было. Выбравшись на тропу, она оглянулась. Впечатляюще! Скажи кому, не поверят. Но она и не собиралась этого делать. Это её, точнее, их сокровенная тайна. Их! Он...

Мысль о нём пронзила её болью сострадания. Только сейчас, стоя на тропе, она смогла представить всю степень его ужаса. Бегом бросилась вверх. Скорей, скорей к нему. Она будто растворяла в своём сердце обрушившуюся на него тяжесть.

Он сидел на тропе, бессильно прислонившись спиной к холодной скале. В голове бились мысли. «Господи! Зачем твердил про живые камни?! Сам накликал беду. Зачем эта вершина без неё? Тоже мне романтик. Всегда только твои желания. Только ты. Всё для тебя».

Он ясно увидел, как она постоянно и во всём уступала ему. Внутри стало пронзительно пусто.

«Без неё невозможна полнота и красота жизни, – он держал в руке кольцо. – Только с ней. Только его и её любовь образуют это кольцо. Они вместе. Навсегда. – Вдруг стрелой – молнией – его пронзила мысль-знание, дивная и ясная: – Жива! Она жива!»

По его щекам текли слёзы. Все страхи, тайно жившие в нём, выпрыгнули вслед за ней в пропасть. Он испытал чувство необычно-

венной внутренней свободы. Это был катарсис. Вершина, к которой он так стремился, жила в нём. Покорив её, он сам стал ею.

Схватив рюкзак, он стремительно бросился вниз по тропе.

К ней! Быстрее к ней! Сам Ангел Хранитель летел впереди, проверяя путь. Это необъяснимо, но так. Более лёгкого спуска у него никогда не было.

Обогнув очередной выступ, он лицом к лицу столкнулся с любимой. Запыхавшиеся, покрасневшие от быстрого бега, они молча смотрели друг на друга. Сердца их бились в унисон. Глаза их выражали то, что не выскажешь словами. Они чётко осознали, что прошли самое серьёзное испытание – испытание страхом, из которого вышли победителями. Отныне эта пара – носители внутренней свободы и Вечной Жизни.

Мужчина и женщина стояли единым целым в кольце их любви. А в небе над их головами ярко вспыхнула новая звезда, звезда обретённой Единой Жизни.

ВАСИЛИЙ ПОЛЯКОВ

Полюшко-поле – волюшка-воля

Самолёт вкручивался в голубое безоблачное небо своим бешено вращавшимся единственным винтом и плавно плыл к дому, бросая красивую тень на поля, рощицы, речки, озёрки и аккуратные сельские домики, сгруппировавшиеся в посёлки. Этот небольшой самолёт-такси чешского производства пилоты ласково прозвали «пчёлкой». У нас его использовали для экстренных вызовов по санитарной авиации.

Внутри самолёт напоминал автомобиль «Волгу» двадцать четвёртой модели. Разница была в том, что мотор был удлинённо заострён, заканчивался внушительным авиационным винтом, а с боков машины и справа, и слева простирались крылья, размер которых раза в три превышал длину внутреннего салона. Два передних широких сиденья предназначались пилоту и врачу, на широком заднем сидении могли разместиться ещё трое, скажем, хирург, анестезиолог и операционная медицинская сестра, но при острой необходимости там можно было положить больного для транспортировки в более квалифицированное лечебное учреждение.

Поляков Василий Евгеньевич родился в Москве 4 июля 1938 г. Доктор медицинских наук, профессор, врач высшей категории, Почётный донор СССР. Академик Международной академии информатизации ООН и Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры. Член Союза писателей России. Автор свыше 700 печатных научных работ, в том числе 15 монографий, 2 авторских свидетельств, 1 товарного знака, 9 рационализаторских предложений. Издал 8 книг художественной прозы и стихов.

Пилот Фёдор Шишков, держа в руках штурвал, изредка бросал взгляд на приборы и спокойно реагировал, когда пчёлка временами проваливалась в воздушную яму или слегка кренилась от мощной встречной воздушной струи. Думая о чём-то своём, он иногда поворачивал голову в сторону врача, сидевшего от него справа, и лукаво улыбался.

Врач Константин Орлов был углублён в свои мысли. До аэропорта Коровино из пяти часов полёта предстояло лететь ещё около трёх.

Утром санитарная «Волга» прибыла к приёмному покою больницы, как и договаривались, ровно к десяти. Гостеприимные хозяева успели до этого времени накормить сытным больничным завтраком и врача, и пилота, предусмотрев для них ещё и свободное время, чтобы без спешки и суеты собраться в обратную дорогу. Константина Владимировича Орлова вышли провожать и главный врач, и его стройная элегантная заместитель по лечебной работе. Фёдор Арсеньевич Шишков появился из торцевой двери приёмного покоя и, приближаясь к группе провожающих, приветливо помахал рукой в сторону окна, замазанного наполовину белой масляной краской. В ответ в широкой форточке на какое-то мгновение в голубой медицинской шапочке показалась женская головка, которая улыбнулась и послала пилоту в ответ романтический воздушный поцелуй.

На аэродроме, когда уезжавшие покинули санитарную машину, Фёдор сладостно потянулся, мечтательно взглянул в голубое небо, оглядел весёлое зелёное поле и многозначительно проговорил: «Эх, полюшко-поле – волюшка-воля! Ну что ж, пошли, командир...»

Константина Владимировича по санитарной авиации вызывали к пациентам не раз. Он любил эти вылеты за то, что они всегда были неожиданными и непредсказуемыми. Уже на аэродроме ему вручали путевой лист, в котором была обозначена точка прибытия, медицинское учреждение, фамилия, имя, отчество и возраст больного, предполагаемый диагноз. А дальше всё решалось на месте. В одном случае, несмотря на однозначные клинические симптомы, при методичном и углублённом обследовании больного диагноз оказывался совсем другим. В другой ситуации приходилось тщательно взвешивать все проявления, чтобы решить вопрос, показана ли операция. В третьем случае, хотя диагноз и был правильным, но уточнение стадии полностью меняло весь намеченный план

лечения, например, вместо лучевой терапии на первое место выдвигалась необходимость системного полициклического лекарственного лечения. А иногда первая же встреча с больным требовала срочного, безотлагательного перевода его в более оснащённое и квалифицированное учреждение. Конечно, все эти решения опирались на знания, опыт, напряжённые раздумья и полную ответственность. Тут уж врач по отношению к болезни, больному и принимаемому решению был сам себе оперативник, следователь, обвинитель, адвокат и судья. И даже присяжные заседатели единым фронтом паслись у него в голове.

Вот и на этот раз, хотя у больного была лихорадка, потливость, похудание, значительное увеличение шейных лимфатических узлов справа и слева, диагноз болезни Ходжкина (ходжкинской лимфомы, лимфогранулематоза) не подтвердился. Все проявления оказались связаны с микотической ангиной, а значит, никакая химиотерапия или лучевая терапия тринадцатилетнему мальчику были не показаны. И хотя состояние больного было тяжёлым, жёсткий прогноз опухолевого заболевания снимался сам собой. Конечно, душа доктора наполнилась удовлетворением. Так бывает у любого человека, разобравшегося в трудной ситуации и в связи с этим выполнившего работу качественно и хорошо.

А с пилотом Фёдором Арсеньевичем Шишковым Орлов летал уже много раз.

Первый раз пассажиров было четверо. Возглавлял бригаду профессор Урнов, анестезиологом летел опытный Гвидонов, химиотерапевтом выступал Помаркин, а гематологом взяли Орлова. У всех, кроме Гвидонова, настроение было приподнятым и весёлым. Рассказывали анекдоты, смешные истории, беззлобно подначивали друг друга, и только Гвидонов был тоскливо мрачен и всё время прятал своё лицо за плотно приставленными к нему ладонями. В жизни Гвидонов был человеком общительным, весёлым и талантливым. Его состояние в самолёте было совсем не обычным. Коллеги быстро поверили, что он накануне съел что-то некачественное, плохо спал, а потому и недомогал. И только по возвращении в Москву Урнов под большим секретом рассказал Орлову, что Гвидонов просто панически боится летать на самолётах. И взлёт, и посадка, и каждая воздушная яма переживаются им с таким животным страхом, что вслед за этими эпизодами неминуемо развивается глубокая, всепоглощающая депрессия.

В тот раз Орлов вспомнил, как во время полёта Урнов и Шишков разыграли Гвидонова. Шишков сказал, что он доверяет Урнову самому «порулить» в воздухе, но бояться нечего, так как рули спарены и при необходимости Шишков всегда сумеет взять управление на себя. Урнов положил руки на штурвал. Все его коллеги с восхищением стали наблюдать, как он талантливо «ведёт» самолёт. На самом деле штурвал и управление оставались в руках Шишкова. И вдруг машина сорвалась в пике и, набирая скорость, ринулась к земле.

– Что ты делаешь? – заорал Шишков. – Мы же разобьёмся!

Через две-три секунды он выровнял машину, дал форсаж и быстро набрал прежнюю высоту.

На Гвидонова было страшно смотреть. Он сидел бледный, весь взмокший. Его остановившийся взгляд был, не мигая, направлен в одну точку. Глаза казались расширенными от ужаса, огромными и стеклянными. Так заслуженный деятель науки России и заслуженный пилот СССР подшутили над слабостью своего товарища.

Нужно было разрядить обстановку. Достали бутылочку, разлили по маленьким гранёным стаканчикам. Снабдили всех бутербродами. И тогда пилот сказал: «Поставьте водку передо мной. Я вам сейчас покажу, что в течение десяти минут так поведу самолёт, что из стаканчика не выльется ни одной капли». Никто не поверил. Но пилот доказал. Конечно, выпили за его здоровье и мастерство. Пилот был доволен и удовлетворён, но, конечно, сам не пригубил ни капли, что также у мужчин вызвало неподдельное уважение. Ас – он ас во всём, в том числе и в твёрдости характера.

При дальнейшем знакомстве оказалось, что Шишков был немногословен, за столом на земле мог принять на грудь значительно больше всех, не пьянел и не терял хорошего мужского обаяния. Когда запасы анекдотов исчерпывались, Фёдор Арсеньевич ненавязчиво включался в работу и рассказывал анекдоты так, что все хохотали до колик в животе и до слёз из глаз.

Орлов запомнил только один из рассказанных Шишковым.

У плетня сидят на лавке два мужика. Мимо них торжественно проплывает красивая молодая ядрёная баба. Мужики залюбовались, проводили молодницу глазами. Потом тот, что помоложе, спрашивает:

– Лёха, скажи по правде, ты ещё к бабам бегаешь?

– Да ты чё, Вань! Уже лет девять как забыл это дело.

– А я только три, – с победительной интонацией произносит Иван.

Кроме того, Якову Маслинычу Урнову и Фёдору Арсеньевичу Шишкову не было равных в умении обольщать женщин. Урнов знал множество стихов, умел произносить тосты во славу оригинальности женского ума и логики, молодости и внешней привлекательности, что кружило голову не одной красавице местного бомонда. А Фёдор Арсеньевич Шишков выигрывал парадоксальностью рассказанных ситуаций, в которых женщина побеждала своей ловкостью, хитростью, изворотливостью, нацеленностью завоевать мужчину и испить чашу сладострастия. Опытные женщины мгновенно отдавали преимущество Шишкову и, наслаждаясь комплиментами Урнова, старались не упустить из рук пилота. К тому же Шишков так замечательно танцевал вальсы, фокстроты... А в танго – в танго он творил чудеса!

В последнюю совместную поездку пилота и врача разделила полная занятость медика и беспримерная свобода лётчика.

Орлову пришлось долго и внимательно заниматься больным ребёнком, к которому и был сделан вызов по санитарной авиации. Потом он смотрел и консультировал почти половину детского отделения. Затем Орлова вовлекли в проведение больничной конференции и настойчиво попросили прочесть две лекции врачам. А вот Шишкова определили в приёмное отделение, где сутки дежурила одна медицинская сестра, да изредка заглядывала санитарка для наведения порядка и раздачи питания.

Когда Шишкова завели в кабинет медицинской сестры, лётчик вытянулся в струнку и представился:

– Пилот санитарной авиации Шишков Фёдор Арсеньевич. Можно просто Фёдор, – добавил Шишков. И будто искра соединила взгляды одного и другой.

– Валентина Егоровна, – сладко произнесла медсестра, зардевшись и показав прелестные ямочки на щеках. Потом она как-то очень мило склонила голову набок и, взглянув исподлобья, произнесла: – Можно Валентина или просто Валя.

Она встала из-за стола и добавила:

– Пойдёмте, я покажу вам своё хозяйство, а заодно и вашу комнату. Устали с дороги?

– Привык, но отдохнуть бы не мешало, – ответил Фёдор, голова которого ещё сохраняла привычный, но надоедливый шум мотора. Пилот почувствовал, что медсестре очень хочется показать ему, лётчику из Москвы, как они обустроены и работают тут, на перифе-

рии. Он был опытным человеком и не раз участвовал в экскурсиях, которые почти обязательно устраивала принимающая сторона.

Если пассажиром пилота была женщина-врач, администрация выделяла для проведения экскурсии подтянутого симпатичного мужчину, как правило, заместителя главного врача, или кого-то из заведующих отделениями, умевших с первых же минут своей предупредительностью, галантностью и осведомлённостью расположить к себе (а значит, и к больнице) прибывшую на консультацию врача-женщину.

Консультанта-мужчину, как правило, поручали сопровождать яркой, запоминающейся женщине. Пилоту нравилось, когда и его приглашали на такие экскурсии, особенно если он привозил на консультацию врача-мужчину.

Среди медиков преобладают женщины, причём в подавляющем большинстве, приветливые, симпатичные, обходительные. А сколько среди них подлинных красавиц! Даже среди актрис и стюардесс на международных рейсах не часто встретишь такое удивительное сочетание королевской стати, подтянутости, собранности, хороших манер, приветливых улыбок и удивительных глаз, излучающих тепло, сердечность и сопереживание.

Поскольку в этот раз консультанта-врача срочно забрали смотреть пациента, пилот понял, что вызов сделан по очень серьёзному поводу. Лётчику понравилось, как его встретила медицинская сестра, хозяйка приёмного покоя. Обидеть её отказом от экскурсии он позволить себе не мог.

Экскурсия началась. Медицинская сестра с удовольствием подчеркивала, как продуманно обустроен приёмный покой в её больнице. Она рассказала о боксах, помещениях «первичной санитарной обработки» с новейшим оборудованием, туалетах, смотровых.

Кроме того, в приёмном покое были оборудованы самостоятельные помещения типа «малой операционной», «перевязочной», «женской смотровой».

Больных, по тем или иным причинам задержанных в приёмном покое, нужно было ещё и регулярно кормить. Для этого был оборудован компактный раздаточный пищеблок, где можно было до нескольких часов хранить в специальных индивидуальных термосах и судках еду, доставленную из цеха приготовления пищи, трудившегося на всю больницу.

Конечная часть приёмного покоя раздваивалась, как детская распашонка, на два коридорчика. Один связывал приёмный покой

со всей остальной главной частью больницы, а другой вводил в довольно уютный уголок, выделенный персоналу. Там была общая комната отдыха дежурной смены со столом для принятия пищи, холодильником для продуктов, небольшим диванчиком и двумя креслами. Кроме того, два помещения были приспособлены для ночного отдыха. Одно из них было закрыто. Это помещение открывали и использовали только в исключительных случаях – чаще тогда, когда среди ночи, особенно зимой, нужно было дать отдохнуть и переночевать приехавшим с больным издалека сопровождавшим его родственникам.

В этот же коридорчик выходила дверь комнаты напротив, где размещали на отдых пилотов санитарной авиации или шофёров санитарного транспорта. Эти люди могли понадобиться в любую минуту и потому должны были быть «под рукой».

Медсестра, уловив, что пилот устал от её показа и объяснений, любезно предложила лётчику пообедать. Но пилот отказался, сославшись, что перекусил в пути бутербродами и аппетит ещё не нагулял. Тогда медсестра открыла ключом дверь и впустила пилота в небольшую, но уютную комнату, в которой стояли кровать, тумбочка с аккуратной салфеткой, небольшой, застеленный скатертью стол, пара стульев и традиционный шкаф с большим зеркалом на своей передней дверце.

– Вот ваше персональное местечко. Отдыхайте, – гостеприимно предложила медсестра. – Только вот кровать тут не очень широкая.

– Почему? – спросил пилот. – Нормальная. Обычная полутораспальная.

– К сожалению, да. Не двуспальная, – ответила сестра и озорно взглянула на пилота исподлобья.

Тут взгляды их пересеклись. И пилот, и медсестра одновременно ощутили мгновенно промелькнувшую между ними невидимую молнию. Медсестра вспыхнула, и щёки её зарумянились. Желая погасить неловкость, она быстро опустила глаза в сторону пола и, скользнув взглядом под кровать, воскликнула: «Ах, Маргаритка! Ведь ещё утром сказала ей убраться здесь тщательнее!»

Медсестра заглянула за дверь, где оказалась щётка с длинной ручкой, обмотанная с нижнего конца тряпкой, подхватила её и стала усердно протирать полы под кроватью. Поскольку стоя она никак не могла дотянуться до пространства у стены, женщина изогнулась вперёд и стала, как хорошая хозяйка, усердно работать щёткой. Её

коротенький белый халатик вздыбился и обнажил красивые стройные ноги и налитые бёдра, прикрытые ниже спины кружевными голубыми атласными трусиками.

Пилоту потребовалось сделать явное усилие над собой. Будь он помоложе, не устоял бы и обязательно обхватил своими сильными ручищами такое волнующее и незащищённое женское тело.

Будто почувствовав состояние мужчины, женщина выпрямилась, вытерла тылом правой ладони слегка взмокнувший лоб, подправила под шапочку выбившийся локон и, опершись о щётку, сказала: «Всё. Теперь, по-моему, порядок. Раз уж так устали, теперь можете отдыхать». Выразительно посмотрев в глаза пилота, с некоторой иронией она добавила: «Бай-бай! До нового полёта». И выскользнула из комнаты.

По давно усвоенной привычке пилот ощущал, что после четырех-пяти часов непрерывного сидения за штурвалом нужно обязательно отдохнуть в тишине, а лучше всего поспать. Он имел немалый опыт вылетов по санавиации, и бывали случаи, когда возвращаться домой приходилось в тот же день. А десять часов полёта за одни сутки без сменщика или хотя бы присутствия рядом с тобой товарища, который мог бы в любую минуту подстраховать и словом, и делом, создавали дополнительное напряжение и ответственность, когда с машиной ты только один на один, а сделать что-то неточно или ошибиться во время полёта ты не имеешь права, и вся ответственность за благополучие ложится только на тебя.

Пилот быстро разделся и нырнул под одеяло. Через мгновение, только коснувшись щекой подушки, пилот заснул крепким глубоким сном здорового человека, выполнившего дневную норму ответственной и тяжёлой работы.

Пока лётчик отдыхал, медсестра успела принять через приёмный покой нескольких больных. Из четырёх поступивших двух мужчин забрали к себе урологи, одну из женщин с гипертоническим кризом в сочетании с сахарным диабетом подняли к терапевтам, и одного юношу лет пятнадцати с диагнозом острый аппендицит повезли к себе хирурги.

К вечеру на посту зазвонил телефон, и секретарь главного врача объявила, что прилетевший консультант будет задействован весь день сегодня и завтра, а улетят москвичи, скорее всего, утром послезавтра. Медсестра приёмного покоя не удивилась, так как трёхдневный срок пребывания консультанта санитарной авиации

в медицинском периферийном учреждении был самым распространённым. В первый день обычно летели обратно в Москву только в том случае, если больной, к которому вызывали консультанта, нуждался в срочной транспортировке в одну из московских клиник по хирургическим показаниям или по необходимости безотлагательного перевода в один из квалифицированных институтов страны типа онкологии, гематологии, неврологии, нейрохирургии, травматологии, педиатрии. Если же помощь консультанта на месте была достаточной и не требовала перевода больного в столицу, администрация больницы, как правило, стремилась использовать возможность общения с московским специалистом по полной программе. Ему старались показать наиболее тяжёлых и трудных в плане лечения больных. С ним старались согласовать мероприятия, проводившиеся больным в отделении реанимации и интенсивной терапии. Кроме того, его авторитет стремились использовать, если по тем или иным причинам назревал конфликт больного с медиками или администрацией. Авторитет столичных специалистов предотвратил много назревавших конфликтов, необоснованных обвинений, склок, потенциальных жалоб в чёрствости, невнимании, халатности, непрофессионализме...

Во второй день консультанта обычно просили провести общепольничную конференцию и почитать лекции либо по актуальным темам, которыми он занимался как врач и научный работник, либо по тем вопросам, актуальность которых волновала администрацию или заведующих соответствующих отделений, а стало быть, и рядовых врачей.

Медсестра поняла, что сегодня и завтра вся основная верхушка больницы будет тесно взаимодействовать с московским консультантом и неожиданных приходов в приёмное отделение не предвидится. Да и свои врачи в обычные дни спускаются в приёмное отделение только в том случае, если их позовут, а так обычно предпочитают во время дежурства находиться в своей родной отделенческой ординаторской.

В перерывах между приёмами больных медсестра тихонько заходила в комнату, где спал пилот, дважды. В первый раз это случилось часа через два, как летчик заснул. Убедившись, что он спит крепко, она решила на всякий случай поставить на стол обед. «Проснётся, – решила медсестра, – так хотя бы не останется голодным». Ведь на дежурстве никогда не знаешь, сколько больных привезут и сколько

времени и внимания они потребуют. Медсестра почему-то сразу же была убеждена, что пилот поскромничает и не пойдёт её разыскивать, если услышит, что она с кем-то разговаривает и занята.

Ещё через пару часов медсестра принесла пилоту ужин и на всякий случай положила на тумбочку интересный журнал, который прихватила из дома ещё с утра. Пилот спал всё в той же позе на правом боку, отвернувшись лицом к стене.

К вечеру больных привозили редко. Так уж получалось, что между ужином и полночью приёмный покой, как правило, не тревожили. И ночь обычно была либо совсем спокойной, либо поступления вновь начинались уже после полуночи, где-нибудь с часу-двух новых суток. После ужина медсестра посидела некоторое время молча одна, заскучала и решила, что пора пойти ополоснуться...

...Пилот проснулся, как и засыпал, чётко, сразу. Он перевернулся на спину, потянулся и тут же восстановил точное восприятие событий, прерванное глубоким сном. За окном комнаты, в которой он отдыхал, было совсем темно. Повернув тело налево, пилот увидел широкую вертикальную полосу света, исходившую от передней дверцы шкафа. Желая понять, что за загадочный источник света установлен в шкафу, лётчик переместил своё тело так, что полоса света ослепила его на оба глаза. Протирая глаза, пилот чуть сдвинул голову в сторону и замер. Прямо перед ним под струями душа нежилась обнажённая женщина, растирая на плечах, подмышками, вокруг красивого бюста, на пояснице белоснежную мыльную пену, то скрывавшую, то обнажавшую самые восхитительные места женского тела.

Как выяснилось потом, женщины приёмного покоя сознательно не закрывали дверь санитарной комнаты персонала, чтобы вовремя услышать достаточно громкие, пронзительные звонки, исходившие либо от входной двери приёмного покоя, либо от двери, соединявшей приёмный покой с остальным пространством больницы.

А дверь в комнату, где отдыхал пилот, оказалась незакрытой по двум причинам. Во-первых, медсестра дважды приносила в комнату еду, и обе руки её были заняты. Кроме того, медсестра, привыкшая чутко улавливать малейшие сигналы, исходившие от больных её отделения, была уверена, что врасплох застать её не сможет никто.

Лёжа в постели, пилот был захвачен столь неожиданно подаренным ему зрелищем. Он не только не встал, но и не пошевелился, боясь спугнуть открывшееся ему таинство.

Наконец щёлкнул выключатель, и волшебный свет погас. Пилот уловил тихие осторожные шаги, проследовавшие мимо его комнаты. И только несколько минут спустя лётчик вскочил, тихо и быстро оделся и, выйдя из собственного убежища, направился в комнату отдыха персонала. Он очень осторожно открыл дверь и увидел со спины облачённую в белый халат медсестру, укладывающую свои роскошные волосы.

Что произошло дальше, нет смысла рассказывать, потому что словами всё равно не передать сказочность того исступлённого счастья, которое пережили в тот поздний вечер и ночь впервые встретившиеся в этот день пилот и медицинская сестра.

Под утро она прошептала ему: «Я завидую твоей жене...» Он промолчал и не ответил, потому что такой ночи в его жизни ещё не было.

ЮРИЙ СИДОРОВ

Когда наступила весна

Притихшая Горка теряла силы с каждым дуновением теплого мартовского ветерка. Вот еще один крохотный кусочек ее тела перестал существовать, превратившись сначала в капельки, а затем в тонюсенький ручеек, сбегаящий по ставшему грязновато-серым туловищу Горки.

Во всем теле царствовала старческая дряхлость. Уже не оставалось ни одного фрагментика того искрящегося на ярком зимнем Солнышке снега, из которого Горка когда-то давным-давно, еще в декабре, была рождена добрыми руками. Слеплена, а затем полита водичкой, чтоб дарить радость ребятишкам, а порой и взрослым, которые, смущенно оглядываясь по сторонам, норовили украдкой тоже прокатиться по ее гладкой белоснежной груди до самой ямки у подножия туловища.

Еще пару недель назад Горка представлялась себе центром мира. Вокруг нее копошились смешные карапузы и ребятишки чуть постарше, которые взбегали вверх, а потом стремительно уносились вниз на всевозможных санках, ватрушках, ледянках. Во все стороны разбегался счастливый смех, и Горка чувствовала себя на вершине блаженства.

Сидоров Юрий родился в 1963 году. Имеет естественнонаучное (окончил физический факультет МГУ) и юридическое образование. Окончил курсы писательского мастерства Образовательного центра Музея «Гараж» у Леонида Костюкова. Автор вышедших в издательстве «У Никитских ворот» романов «Своя не своя жизнь», «Пробуждение», «Портрет», повести «Вторая попытка», рассказов.

Разве можно забыть вьюжный январский вечер, когда в мерцании залепленных снегом фонарей к ней пришли, тесно прижавшись друг к дружке, парень с девушкой? И долго стояли, сливаясь губами в единое целое. А потом юноша потянул свою спутницу за руку, и они легко и беззаботно вскочили на самую макушку Горки и помчались вниз, разнося своими криками по всей Вселенной новость о собственном счастье. С тем пор Горка больше не видела эту пару. Видно, их стежки-дорожки проходили мимо. А может, они вообще из другого района и лишь по воле случая оказались на кунцевских тропинках? Кто знает...

Зато с карапузами из соседних дворов Горка успела не только познакомиться, но и подружиться. Некоторые приходили только по выходным в окружении пап и мам, то и дело ведущих разговоры по мобильному телефону. Другие появлялись и в будни в компании с неторопливыми бабушками, которые постоянно следили, чтобы у вверенных им чад не съезжали с головы шапки и не разматывались длинные яркие шерстяные шарфы. Горка ходила ходуном под ногами неутомимо бегущих по склону карапузов и гордилась своей нужностью.

Особенно запомнился мальчонка годков трех, который, кажется, не пропускал ни одного денечка. С ним приходила бабушка в пуховике. Она придирчиво осматривала Горку своими серыми глазами, спрятавшимися за строгими стеклами очков. Потом доставала из бежевой тканевой сумки ярко-синюю ледянку и вручала ее подпрыгивающему от нетерпения малышу:

– Держи, Василек, начинай! Только поаккуратней!

Василек принимался карабкаться наверх в компании таких же, как он, заливающих смехом карапузиков. Бабушка отходила на несколько шагов в сторону и начинала любезно раскланиваться с другими взрослыми, которые, переминаясь с ноги на ногу, вели неспешные разговоры, не забывая держать своих ребятишек в поле зрения.

Василька Горка видела в последний раз неделю назад. Тогда тоже было воскресенье. С неба светило яркое Солнце, а Горка впервые почувствовала себя плохо. Что-то необычное и тревожное ощущалось в теле. Вроде всё было на месте, но не так, как раньше. Горка перестала чувствовать, как восстанавливается ее упругое тело после детских ног. Оказалось, что теперь слеплявшие Горку снежинки стали рыхлыми, и стоило кому-то взбежать наверх, незаживающими рубцами оставались на ее теле следы. А потом эти следы начали заполняться водой. И Горка с ужасом поняла, что съезживается, сморщивается, становится меньше и меньше.

А на следующий день, будто оплакивая судьбу Горки, с Неба побежали водяные струйки. «Нет, нет, всё будет хорошо, – успокаивала она себя, – ведь в прошлом месяце с Неба тоже падала вода и мое тело страдало. Но прошла пара дней, и снова пошёл спасительный родной снег, точь-в-точь такой же, как тот, из которого меня слепили в декабре. Вот и сейчас так будет. Надо лишь немного подождать, и я обязательно выздоровею, стану такой же, как раньше, а, может, ещё краше». Увы, этим мечтам не суждено было сбыться.

Если в понедельник наиболее отчаянные мальчишки и девчонки ещё пытались спускаться на ватрушках, то уже во вторник вокруг опустело. Никто не пришёл кататься. Горка осталась в одиночестве, никому не нужная и всеми забытая. Ей было очень горько. С каждой минутой тело Горки становилось всё меньше и меньше, и не видно было тому конца и края. Зато у подножия Горки набиралась сил юная, пышущая бодростью и здоровьем Лужа. Она вбирала в себя, как губка, сползавшие по впалым бокам Горки тоненькие водяные паутинки.

– Лужа, Лужа! – позвала Горка свою новую соседку. – Мне плохо. Помогите, пожалуйста.

– Чем же я могу тебе помочь? – ответила юная голубоводая красавица. – Ведь ты вся из снега, а я, наоборот, из воды.

И Горка замолчала, прислушиваясь к счастливому бульканью наполняющейся влагой Лужи.

Сегодня Небо снова было серым, как осунувшиеся бока Горки. «Неужели это мой последний день? – не выдержав, зарыдала талыми слезами Горка. – И со мной никто даже не придёт проститься?»

Детский смех раздавался откуда-то издалека. Откуда именно, Горка узнать не могла. Для этого надо было вновь стать такой же высокой, как раньше. И вдруг звонкий щебечущий голос послышался совсем рядом. К Горке подбежал тот самый карапуз Василёк. Чуть поодаль остановилась его бабушка с неизменными строгими стёклышками очков.

– Василёк! – крикнула она. – Там воды полно. Вернись назад, а то ноги промочишь!

Горка пылливо вглядывалась в мальчугана, чувствуя, что видит его в последний раз. А Василёк совсем её не замечал. Внимание мальчонки привлекла красавица Лужа. Василёк, несмотря на бабушкино предостережение, смело наступил сапожком на тело Лужи. Потом ещё и ещё. «Чавк, чавк!» – услышала Горка счастливое дыхание Лужи.

Бабушка решительно шагнула к Васильку, ухватила его за руку и потащила в сторону, на уже начинавший подсыхать тротуар. Мальчонка засеменял сзади бабушки.

«Василёк! Побудь со мной хотя бы еще минутку. Не уходи, очень тебя прошу!» – порывалась прокричать Горка вслед карапузу. Но она не умела разговаривать с людьми, и Василёк не мог услышать Горку. Он побежал вперед, навстречу своей долгой и счастливой жизни. А Горке стало совсем тошно. Ведь это так мучительно – покидать мир в одиночестве, никому не нужной. Словно и не было позади наполненной счастьем, но, увы, такой короткой, единственной зимы.

– Как же хорошо жить! Я молодая, сильная, красивая! – горячий шёпот Лужи доносился до слуха Горки.

– И я была такой же, – ответила слабеющая Горка. Но Лужа её не поняла, точнее, не смогла понять, поскольку молодости очень тяжело понять старость.

В тишине послышался перестук. Горка с усилием присмотрелась. Мимо шёл Старик, размеренно ударяя то в асфальт, то в сохранившиеся корочки льда палками для скандинавской ходьбы. Горка немного знала Старика. Он регулярно проходил мимо неё по своему повторяющемуся из раза в раз маршруту. Но Старик никогда не останавливался около Горки. Возможно, не хотел беречь себя воспоминаниями, как он семь-восемь десятков лет назад вот так же сломя голову нёсся вниз на самодельных деревянных санках в маленьком таёжном посёлке.

Но сегодня неожиданно для Горки Старик остановился и, опершись на палки, долго всматривался в её скукоженное тело.

«Старик, Старик, посмотри на меня, полюбуйся! Я такая юная и прекрасная!» – пыталась сказать ему Лужа, приревновавшая Старика к Горке. Но тот лишь слабо улыбнулся. Он ведь много десятков раз видел, как усыхают потом голубые зеркальца талой воды.

Старик едва заметно покивал Горке головой и пошёл дальше своим ежедневным маршрутом. Лужа почти сразу забыла о невнимании Старика, ведь у неё впереди была целая жизнь. А Горке от этого всепонимающего прощального кивка сделалось спокойно на душе, и она прожила отведённые судьбой часы с заполнившей душу светлой тихой грустью, отдав все свои живительные ручейки начинающей жизненный путь Луже.

А Старик шёл вперёд и мечтал, чтобы хотя бы ещё раз в жизни увидеть искрящиеся ясным морозным днём снежные горки.

АНАТОЛИЙ СУСЛОВ

Вечерняя прогулка в лес

Начало июня. Молодая чистая зелень ещё способна противостоять ядовитому дыханию огромного города. Воздух, настоянный на аромате свежих листьев, каждый из которых всё ещё пахнет неповторимо, по-своему, вливается в лёгкие, возбуждая томительное ожидание радости и любви. Тёплыми волнами он входит в открытое окно, раскачивается в комнате, весь пронизанный светом, горячим, но не жарким.

Было начало лета, напряжённая пора студенческих сессий, когда Савушкин, прыщеватый долговязый парень лет двадцати пяти, сидел на койке в общежитии, отрешённый от благодати, рассеянный в воздухе, поглощённый тягостными размышлениями. Он курил сигарету за сигаретой, стряхивая пепел в стеклянную баночку, стоявшую перед ним на стуле. Завтра ему, Савушкину, придётся сдавать последний государственный экзамен, чтобы стать врачом. Но в голову приходили мысли, далёкие от терапии, клиники и больных.

«Несомненно же, я – музыкант! Я знаю, как нужно создавать музыку. Нужно всего лишь напрячься, очень сильно напрячься в душе, отбросить все сомнения и раскрепостить руки. Музыка сама войдёт в них. Из души. Она там есть. Она там живёт».

Суслов Анатолий Петрович. Родился в Германии в семье военнослужащих-медиков. Окончил Второй московский медицинский институт им. Н.И. Пирогова. Профессор-иммунолог, доктор медицинских наук, заведующий лабораторией в НИЦ ИЭМ им. Н.Ф. Гамалеи. Автор четырёх поэтических книг – «Отражение», «Иное», «Симфония чуда», «Азбука души».

Он откинулся назад, расслабляясь, представляя, как музыка вливается в его руки, и те оживают своей собственной творческой жизнью.

Но тут же сомнения охватили его, сковывая тело.

«Нет, нет и нет! Какой я музыкант! С этим покончено. Диагноз поставлен, больной неизлечим».

И он брался за новую сигарету.

С детства Савушкин любил слушать передачи по радио или по телевизору о великих музыкантах, художниках или писателях. Он прочитал множество биографий и пришёл к выводу, что счастье – это талант. Всё, что он слышал и читал о таланте, было наполнено восхищением и благодарностью. Всё в талантливом человеке, особенно его полная трудностей жизнь, возвышалось и облагораживалось, он был исполнен чистоты, как идеал. Так и воспринял Савушкин для себя, что талантливый человек – это идеал, к которому необходимо стремиться.

Великие люди! Гении! Его охватывало томление при одной мысли, что и он не лишён искры божьей. Савушкин избрал скрипку, потому что этот инструмент казался ему тоньше и чутче всех других. Играть он учился долго и упорно, с трудом окончил музыкальную школу. Но вот настал момент, когда ему показалось, что всё уже получается. Савушкин подал заявление в консерваторию.

О, как он страдал, когда провалил экзамен!

«Милейший! Вам не в консерваторию нужно, а в деревню, на свадьбах и похоронах играть!» Этого ему никто не говорил, но он увидел эти слова на лице экзаменатора, когда тот брезгливо поморщился, делая пометку напротив его, Савушкина, фамилии.

Да ещё эта фамилия! Не Гилельс, не Ойстрах, не Третьяков, а Савушкин. Какое убожество! Балалаечник!

Раньше Савушкин тешил себя надеждой: ведь бывают таланты из народа. Но после экзамена понял, что сам он безнадежен. И тогда, шесть лет назад, махнул на всё рукой, подался в медицинский. С тех пор редко брал скрипку в руки, всё было некогда, да и негде. Пальцы огрубели, кисть потеряла гибкость, но тоска и желание играть на скрипке не утихали в нём, а, наоборот, разрастались из года в год, делая жизнь невыносимой, обстоятельства невыносимыми.

Савушкин встал с койки, подошёл к шкафу, осторожно снял футляр со скрипкой, погладил его, ощущая ладонью сквозь футляр бережно хранимое в нём сокровище. Эта скрипка была не простая, а

купленная за большие деньги, которые он долго копил. Итальянская работа. Когда-то на ней играл в Большом театре настоящий мастер, но потом случилось несчастье, и вот она, уже отремонтированная, но всё ещё звучная, хотя и не в прежнюю силу, – у него, у Савушкина.

Взяв скрипку в руки, Савушкин встал посреди комнаты и стал играть сначала то, что у него хорошо получалось, но что он не особенно любил, потом то, что он любил, но что у него не совсем получалось.

И всё время, пока он играл, в нём возрождалось и нарастало старинное его желание самому создавать музыку, такую, которую ещё никто никогда не слышал, и которая, по его мнению, потрясла бы весь мир, потому что несла бы в себе Истину, что он так жаждал узнать.

Распаляясь внутри и дрожа от возбуждения, Савушкин играл всё громче и громче, переходя от известного к вариациям, от вариаций к тому, что ему чудилось своим. И вот, когда ему казалось, что своё уже стало появляться, когда весь он напрягся от возбуждения как струна, в дверь воткнулась лохматая голова и хриплый голос, разорвав все тонкие связи, возникшие в комнате, возмущённо возопил:

«Ты что, с ума сошёл! Пилить на скрипке, когда экзамены! Заткнись!»

И дверь захлопнулась.

Савушкин бросился на койку вниз лицом и заплакал. Ему казалось, что его ударили ножом прямо в сердце и шутя, не заметив, убили.

«Варвары! – шептал он. – Негодяи! Подлецы! Глухие и слепые кретины! Вам не музыка нужна, а палка, чтобы били и били вас по голове, вколачивая ритм. Ничтожества!»

А в это время как назло вошёл сосед по комнате и с порога, захлебываясь, стал рассказывать, как ловко одурачил старого профессора.

От ненависти у Савушкина пересохли слёзы на глазах. Он встал, не слушая соседа, собрался, затем, не сказав ни слова, провожаемый недоумённым взглядом, вышел из комнаты, хлопнув дверью. Со скрипкой под мышкой он сбежал по лестнице, пронёсся через сумрачный вестибюль, не замечая знакомых лиц, выскочил на улицу.

Над Москвой уже сгущал свои краски вечер. Наступало то время, когда всеобщий гул машин затих настолько, что отчётливо проступили крики детей во дворе, громкие голоса прохожих, возгласы, смех молодых людей, играющих в бадминтон и волейбол.

Но именно весь этот гам ещё более возмутил Савушкина своими отрывистыми, раскалывающими воздух, резкими звуками. Он болезненно поморщился, оглядываясь по сторонам, и, по привычке, пошёл на трамвайную остановку.

На трамвае Савушкин ехал долго, отрешённо глядя в окно на фантастический пейзаж из белых параллелепипедов, к которому он, провинциал, не мог привыкнуть за шесть лет столичной жизни. Сейчас он ясно понимал, что ему некуда податься в Москве со своей скрипкой и с этим, наполнившим его до краёв, желанием играть на ней. Он всё ещё бредил концертными залами, их необъятными, ёмкими для звука пространствами, их сосредоточенной тишиной, полумраком.

Трамвай бойко бежал от остановки до остановки, мелодично звенел, бесшумно трогался с места и мягко тормозил. Косые солнечные лучи покойно лежали на лицах пассажиров, на сиденьях, на полу.

Но Савушкин не воспринимал того умиротворения, которое воцарилось вокруг. Это – покой, который нельзя нарушить.

«Нужно что-то делать. Нужно куда-то идти!..» И он вскопчил с сиденья, побежал вперед, к выходу, не зная, зачем и куда.

Решение пришло, как откровение, облегчая внутреннее ощущение тесноты и неудобства.

«Лес! Конечно же, лес, вот куда мне нужно идти. Лес рядом, рукой подать. А там, если зайти вглубь, – никого! Это – идея!»

Савушкин соскочил с трамвая и быстро пошёл, почти побежал по незнакомым переулкам среди дач и заброшенных домов, туда, где, он знал точно, был лес.

Когда он входил в лес, отяжелевшие солнечные лучи червонным золотом ложились на листья притихших деревьев. Савушкин шёл быстро и решительно в глубь леса, туда, где городские звуки теряли свою силу, а тишина исцеляющим пластырем обволакивала тело. Целеустремлённость, с которой он шёл, вскоре была вознаграждена. И вот он стоит, окружённый сияющей белизной берёзовой рощи, на мягком ковре из сочной травы, высоко вверху – ажурный свод из берёзовых крон.

Савушкин вынул скрипку и положил футляр на траву. Он недолго стоял, наклонившись, настраивая скрипку, потом выпрямился, весь напрягся, прижав её щекой, чуть шевеля в левой руке, стараясь найти ту точку, в которой он и скрипка неразделимы. Наконец он нашёл и, постояв несколько мгновений неподвижно, поднял правую руку, коснулся смычком струны.

Она отозвалась жалобно, как-то болезненно-плаксиво. Вторая струна визгливо заплакала, третья – зарыдала навзрыд. Казалось, скрипка ожила, умоляет хозяина пожалеть её, не терзать неопытной рукой, не насиловать тяжёлым и грубым смычком.

«Нет!.. – подумал Савушкин. – Не спеши, подожди, я ведь сегодня буду нежен, как никогда, я буду ласкать тебя, буду страстно любить... Подожди, не убивай!»

И он внутренне сжался, желая стать тоньше, чутче, повёл мелодию так бережно, как будто рукой касался чужого лица.

«Ты – моя любимая, ты – моё счастье!», – думал он, и скрипка, казалось, поверила ему. Звуки потеряли хаотичность, словно потянулись друг к другу, соединяясь в плотное тело мелодии.

«Так будет всегда», – мечтал Савушкин. Рука его крепла, обретая уверенность и силу. Мелодия, родившись из скопища звуков, доверчиво тянулась обратно к нему в душу, искала там уготованного ей места. И место действительно находилось, душа радостно восставала навстречу, радость импульсами вливалась в руку и по смычку передавалась струнам. Казалось, наконец возникла долгожданная гармония между ним, Савушкиным, и его скрипкой, и ничто не разлучит их.

Однако порой мелодия натывалась на что-то твёрдое, окаменевшее, и тогда она давала трещину, потом и вовсе рвалась, звуки рассыпались беспорядочно и резко. И чем выше поднималась мелодия, тем чаще она натывалась на непреодолимое препятствие в душе Савушкина, тем болезненнее вскрикивала скрипка, тем мучительнее становилось в душе. Как-то незаметно, исподволь, росло чувство противоречия и раздражения. Савушкин наконец понял, что не происходит того, что должно было непременно произойти: мелодия не перерастает в музыку. Он услышал, что его игра на скрипке – это лишь обрывки мелодий, обрывки чувств, накопившихся в душе. Все и не было того единства, к которому он стремился: радость сменялась отчаяньем, восторг – нетерпением, но то был всего лишь лепет младенца, переложенный на язык музыки.

Он снова ясно увидел путь, по которому должен идти, и понял, что это тот путь, которого он больше всего боялся.

Савушкин вспомнил лица своих однокурсников, плоские от повседневных суетных забот, вспомнил, что он уже почти готовый врач, который не любит, не понимает своей профессии, вспомнил пациентов, которые раздражали его своей безропотной надеждой, и отчаянье охватило всё его существо.

«Нет, нет и нет! – вскричал он внутри себя. – Ты, скрипка, только ты – единственное существо, которое я люблю, ты одна поймёшь меня и возвысишь!»

И он играл и играл с решимостью сумасшедшего, не замечая, что давно уже нет не только музыки, но и мелодии, а набор звуков становился всё отвратительнее, всё безобразнее. Всё то окаменевшее, на которое натыкалась мелодия, проникая в душу, вдруг оживилось, расцвело ядовитыми цветами злобы, ненависти, жгучей зависти. Глаза Савушкина заблестели ненасытным звериным блеском. Теперь он уже с упорством фанатика терзал смычком струны. Скрипка, казалось, раскалилась добела в его руке. Пальцы бегали, как пауки, впиваясь в струны, как в жертву.

А между тем в лесу смеркалось. Контуров деревьев потеряли чёткость, фантастическое вещество темноты заполнило промежутки между ними, наделяя всё вокруг какой-то мистической жизнью.

Савушкину показалось, что он стоит на сцене перед погруженным в полумрак залом. А там, за рампой, хохочет и беснуется публика, и он краем глаза видит их злобно искажённые лица, разинутые рты, выпученные глаза.

Ох, как он ненавидел сейчас этих людей, их равнодушие, ядовитость, насмешливость и злобу! Это они, эти люди, зародили в его слабом существе страстное желание возвыситься. Это они создают иллюзорный мир красоты, сознательно вычленяя его из терзающей душу негармоничной действительности, насыщают им свои плотоядные желания, рьяно служат ему, своей жуткой ненавистью испепеляют людей, случайно заглянувших в него.

И вот сейчас, когда всё его существо наполнилось яростью, а истинное стремление к гармонии извратилось, явилось страстное желание угодить беснующейся публике, урвать у неё свой кусок славы и иллюзорной жизни, терзать тончайший инструмент, врубаясь им, как киркой, в вязкую толщу чувствительности.

Лопнула одна струна, за ней вторая, третья.

Сумасшедшая мысль осветила на мгновение беснующийся мозг Савушкина: «Буду, как Паганини, играть на одной струне. Я докажу им!...»

Когда оборвалась и последняя струна, Савушкин окончательно потерял контроль над собой. Он выл, рычал, бесновался с пеной у рта, падал на землю, вскакивал, метался между деревьев с судорожно зажатой в руке скрипкой и наконец ударил ею изо всех сил

по стволу берёзы, так что она разлетелась в щепки, зазвенев в последний раз оборванными струнами...

Долго лежал он на земле, наполненный до краёв страшной токсической, бесчувственный и чёрный, как могильный камень. Наконец встал, подошёл к скрипке, тщательно собрал останки, опустился на колени, стал смычком копать ямку, но, быстро одумавшись, поднялся, залез рукою в карман, вытащил оттуда какие-то бумажки, затем спички, поджёг скрипку и омертвевшими глазами смотрел, как она сгорала...

Нескоро после того, как скрипка сгорела, Савушкин очнулся от оцепенения, поднял футляр и медленно побрёл к городу, домой, в общежитие.

«Нужно купить новую», – как-то механически подумал он, сделав первый шаг.

НИНА ЯРНОВА

Дровосек

Иван-дровосек с женой и тремя сыновьями жили на окраине деревни. Вокруг, куда ни глянь, росли густые леса, а значит, дров для людей хватало. Дровосек привозил их всем, кто нуждался. В деревне дровами запастись – святое дело. Ведь зима на Руси долгая и суровая.

Ивана за его труд люди уважали.

– Честные деньги зарабатывает, – говорили о нём.

Однажды в дверь его избы постучали, и вошла старушка – одета бедно, сгорбилась и на палочку опирается – видно, старенькая очень.

– Мир дому твоему! – сказала старушка, перекрестившись на иконы.

– С миром принимаем! – ответил дровосек.

Ярнова Нина родилась в г. Шатура. Вся её жизнь связана с Москвой. Педагог, мать троих сыновей. Член СПР, автор пяти поэтических сборников и двух книг для детей. Постоянная участница поэтических сборников и многих печатных изданий. Награждена дипломом МГО СПР им. Некрасова в номинации «Песенное слово», победитель в номинации «Нравственная. Патриотическая. Духовная», лауреат конкурса «Звёздная строфа» с вручением медали, победитель в номинации «70-летие Победы в ВОВ» с вручением медали. Автор-исполнитель песен и романсов, победитель музыкально-поэтических конкурсов «Романса голос осенний», «Волжские зори», фестиваля по творчеству Марины Цветаевой «Если душа родилась крылатой» в номинации «Музыкальная форма», лауреат фестиваля авторского романса «Времен связующая нить». Также обладатель диплома «Признание» и лауреат фестиваля «Планета Константин Бальмонт».

Так у них в деревне, входя в дом, принято приветствовать друг друга.

Старушка скромно стояла у двери, не решаясь начать разговор. Иван вопросительно смотрел на неё и молча ждал.

А старушка, собравшись с духом, тихо сказала:

– Сынок, помоги Христа ради! Стара я стала. Все померли – и муж, и дети. Одна осталась.

Иван-дровосек торопился в лес и с раздражением спросил:

– А я-то тут при чём?

Старушка смотрела на дровосека умоляюще.

– Я, Ванюша, тебя ещё мальчонкой знала... – сказала она и снова попросила: – Помоги, Христа ради!

– А что от меня-то надо?

– Привези телегу дров. Нет у меня ни сил, ни денег, а зима придёт, не опоздает. Не дай замёрзнуть в холод лютой.

Дровосек опешил:

– Ты что, бабка, смеёшься? У меня семья, дети, а я бесплатно работать буду?!

– Смеюсь, сынок, смеюсь, – кротко произнесла старушка и ушла быстро, словно испарилась...

Только последние слова её в сердце засели:

– Прости, Христа ради, сынок... Побеспокоила...

Иван слегка удивился, но рассуждать было некогда. Он наострил топор и отправился на делянку. Про бабку больше не вспоминал. Только неладно как-то у него всё складывалось: вдруг с пути сбился – сроду такого не бывало.

«Придётся ночевать в лесу, – подумал он. – Ни еды, ни питья, только топор. Хоть суп из топора вари!», – усмехнулся.

На небе появилась луна. Она осветила кроны деревьев, но в лесу будто ещё темнее стало. Иван огляделся вокруг. Часто ходил он в лес, хорошо знал все лесные секреты и ни разу не заблудился. А сейчас вдруг унесла его нелёгкая – заплутал... Ходит, ходит Иван, да и снова на то же место возвращается. Плутает! А деревья как будто специально окружают, подступают почти вплотную. Страшновато ему стало.

«Что такое? – подумал. – Странно как-то! Непонятно!»

На ум пришли слова местного священника: «По грехам нашим плутаем!»

Эта фраза не давала ему покоя. Она крутилась в голове и не уходила: «По грехам нашим плутаем! По грехам нашим плутаем!»

«Может быть, я засыпаю и мне всё это снится?» – подумал дровосек.

Он не на шутку разволновался и не знал, как себя вести. Деревья стояли непроходимой стеной, и ночь уже наступила. Иван понял, что окончательно заблудился и, присев на лежавшую рядом корягу, задремал...

Сколько он пребывал в таком забытьё, сказать сложно. Только очнулся он неожиданно, будто разбудил кто... И первое, что пришло ему на ум, это слова старушки: «Я, Ванюша, тебя ещё мальчонкой помню!»

Эти слова, как разбуженная память, встали перед Иваном во весь рост вместе с непроходимым и тёмным лесом... И вспомнил Иван своё детство и добрую бабушку Нюру – такую ласковую и словоохотливую. Она всегда угощала всех мальчишек вкусными баранками с маком, а ему незаметно ещё и лишнюю давала. И так стыдно ему стало!..

«Ты в кого превратился, Иван? Ты как в глаза своим детям смотреть будешь?!»

Вместе с утром проснулась у Ивана совесть, а с ней затеплился в сердце огонёк доброты. Не успел он взять в руки топор, как деревья, словно по волшебству, расступились, впуская утренние солнечные лучи в самые удалённые уголки леса. Расправив плечи и с благодарностью вдохнув живительной силы нахлынувшего на него чувства, Иван отправился на свою делянку. Теперь дровосек точно знал, что ему надо делать!

С тех пор Иван-дровосек больше никогда не терял свою совесть, а у бабы Нюры всегда было в достатке дров и вкусных мягких пряников...

3

КНИЖНАЯ
ПОЛКА

рецензии

МИХАИЛ ФИЛЬШТЕЙН. ЧАША: СТИХИ, ПЕРЕВОДЫ, ПОЭМЫ. –
М.: У НИКИТСКИХ ВОРОТ, 2022. – 332 с.

На свет призывный отзываясь

В стихотворении «Возвращаюсь к себе издалёка...» автор книги «Чаша» Михаил Фильштейн сравнивает себя с Одиссеем, плутающим по миру в поисках родной Итаки. К теме возвращения – к подлинному себе, к истокам, к прошлому, к истинным ценностям – поэт на страницах сборника обращается не единожды.

*Когда разлука станет адом
И позабуду путь к словам,
Вернусь к заброшенному саду,
К своим пригоркам и лугам.*

Основной корпус книги составляют стихотворения, поэтические циклы и несколько поэм. В разделе «Голоса» – переводы из молдавских поэтов Иона Ватаману, Иона Виеру, Георге Водэ, Анатола Гужеля, Василе Левицки, Агнессы Рошки. И в их стихотворениях, включённых в сборник, как и в строках Михаила Фильштейна, словно оживает прошлое, поднимаются пласты истории и культуры, слышится шум тысячелетий.

*Гудят над палубой канаты,
Тугие хлопают холсты.
Горячий ветер, дух Эллады,
С холодной вечностью на ты.*

Эта строфа из Агнессы Рошки перекликается с упомянутым выше «Возвращаюсь к себе издалёка...». А, например, строки «Из миров, где жизнь былая, / Где мечта казалось близкой, / Рваным пламенем пылая,

/ Падают звезда на листья» (из Анатола Гужеля) созвучны строкам Михаила Фильштейна:

*Прильнув к стволу земного бытия,
Гляжу, как жизнь ликует в колыбели,
Как листья, что над колыбелью пели,
С ветвей слетают, горечь обретая.*

Вообще, образ дерева как некоего стержня, символа жизни и роста – один из ключевых образов в книге. Это можно заметить, например, в стихотворении «Как страшно оголились корни!..»:

*Душа ещё не отлетела –
Как на ветвях сосна стоит.
Её напряжённое тело
Янтарно-жёлтый свет струит.*

Кроме вертикали – дерева, соединяющего высь и глубину, в поэтике Михаила Фильштейна присутствует и горизонталь – мотив пути, дороги, странничества, скитаний. Например: «Я в дороге свою догоняю версту. / Вечный странник – что нынче я значу? / Я свою примечаю в зените звезду. / Взор упрямый за облако прячу»; «Эту дорогу молча тори. / Призрачна эта дорога. / Дан ей ветер в поводьери / Кружить над лугом и логом»; «В безропотном мире, как после беды, / Сосредоточены чьи-то следы. / И первопутук, и конь, и поводья, / И захлебнувшийся луг в половодье».

Стоит отметить, что Михаил Фильштейн уверенно использует целый арсенал изобразительно-выразительных средств, которыми владеет виртуозно. Его стихи красочны, метафоричны, объёмны («Я нынче воскрешу забытую картину, / Где солнце, словно мяч, уже летит в окно, / Где ветер со стрехи срывает паутину / И на бегу сучит из прядей волокно»). Всё в них так зримо и убедительно, что, кажется, их можно потрогать, почувствовать, ощутить.

Характерно, что твёрдая форма стиха – сонет – у поэта не производит впечатления чего-то архаичного, мёртвого, застывшего. Она очень органична («Полночный сонет», «Осенний сонет»).

Интересна – композиционно, ритмически, фонетически – поэма «Кисть».

*Стук копыт, стук копыт.
Тень кибиток стелют кони.
Обнажённый меч омыт
В медь и киноварь иконы.*

В этих строках, как наяву, слышен стук копыт, и веет от них ветром былых времён. Такие стихи – не страницы учебника истории, она в них оживает и, кажется, становится реальнее, чем настоящее время. В «Кисти» поэт не только демонстрирует мастерское владение аллитерацией и ассонансом – содержание ничуть не уступает форме по мощи и глубине. Вот как, например, переосмысливается непростой и извечный вопрос взаимоотношений с высшими силами:

*Стал чернец перед иконой – пал у чёрного листа.
Перед ним тускнеет пламя испуганного лица.*

*Чёрный гнев в очах высоких беспощаден и велик.
Где же Божеская ласка, просветлённый Божий лик?*

Вопросы доверия к миру и выстраивания диалога с Господом Михаил Фильштейн решает в «Чаше», давшей название сборнику:

*Кроткий Овен звёздный шорох лижет,
Дремлет в нём безропотная грусть.
Господи, найди звезду поближе –
Я на свет призывный отзовусь.*

«Благодарю Тебя, о Боже, / Что счастлив был я целый миг», – в этих строках, кажется, сконцентрирована вся та немислимая сила, с которой человек может любить каждое бесценное для него мгновение. И, даже оставляя землю, где «Жизнь, что отчаянно прожил, / Нынче живёт без меня», поэт остаётся её частью, прорастая сквозь время («Так ли я радости множил?..»).

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия

Маргарита Азарова.....	7
Сергей Бусахин.....	9
Вилен Иванов.....	16
Марк Казарновский.....	18
Владимир Миркин.....	22
Алексей Монастырюк.....	25
Василий Мурзин.....	28
Идалия Шевцова-Урсатий.....	30

Проза

Андрей Артёмов.....	35
Алиса Бескровная.....	46
Александр Махнёв.....	58
Нина Назарова.....	63
Василий Поляков.....	68
Юрий Сидоров.....	79
Анатолий Суслов.....	83
Нина Ярнова.....	90

Книжная полка

На свет призывный отзывается.....	95
-----------------------------------	----